

Золотой конь Митридата

Автор:

Ольга Баскова

Золотой конь Митридата

Ольга Баскова

Артефакт & Детектив

Самым известным сокровищем легендарного царя Митридата считалась статуя его коня в полный рост, отлитая из золота. Но куда этот конь исчез, никому не известно. Возможно, об этом сказано в древнем пергаменте, который оставил своей вдове Ларисе профессор истории Станислав Красовский. Одним из его жизненных принципов было не выходить в море в шторм, поэтому, когда Ларисе сообщили о том, что ее муж во время грозы разбился на яхте, она не поверила. А вскоре сомнений у нее только прибавилось...

Ольга Баскова

Золотой конь Митридата

© Баскова О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Синопа, 111 год до н. э.

Лаодика развалилась на ложе, покрытом белоснежными простынями, и задумчиво глядела в потолок. Черный маленький паучок полз к окну, шевеля крохотными лапками, и она подумала, что ему не спастись. Слуги, тщательно следящие за чистотой, уничтожат его, а этого нельзя делать. Кто-то говорил, что в этом краю нет ядовитых пауков, и лучше их не трогать. Убьешь – плохая примета. Но, как бы то ни было, несчастное членистоногое – пленник в четырех стенах, и ему не выбраться без посторонней помощи. Как и ей. На гладком белоснежном лбу царицы появились морщины, и начальник телохранителей Мнаситей, возлежавший рядом на влажных смятых простынях, озабоченно посмотрел на любовницу, еще минуту назад дарившую ему горячие ласки.

– Что случилось?

Она приподнялась на локте, и Мнаситей залюбовался ее красотой, поистине божественной: прямой нос, округлый лоб, на который крутой волной падали светлые кудри. Большие глаза оттенялись длинными ресницами, сочные чувственные уста цвета густого вина манили припасть к ним, испытать сладкую влагу.

– Как ты хороша! – вырвалось у него, и Лаодика недовольно взглянула на любовника.

– Красота не сделала меня счастливой. – Она откинула волосы, водопадом упавшие на плечи. – Я была счастлива только в детстве, со своей семьей. А потом... А потом наступила тьма, из которой мне уже не вырваться.

По его недоуменному взгляду женщина видела, что любовник ее не понимает. Ее никто не понимает, все думают – раз царица, значит, бесится только с жиру. Ну в самом деле, чего ей не хватает? Любящий муж, исполняющий любые желания, красивые дети, роскошь... Им, этим глупым людям, невдомек, что она пленница в роскошном дворце супруга. То ли дело дома, в Селевкии, где она родилась, на берегу полноводной реки Оронты! Свобода, свобода, ничем не стесненная! Перед ее глазами прошли подруги, с которыми она любила играть и танцевать, учителя, обучавшие игре на кифаре и грамоте. Она слыла прилежной ученицей, хотя ее отец, сирийский царь Антиох Эпифан, не слишком принуждал дочь к наукам. Он знал: ее удел – замужество, но не по любви – по любви цари и царевны не женятся, – и потому никогда, как и ее мать, не интересовался, кто пленил взоры царевны. Она вспоминает глаза и улыбку юноши с маленького

острова, который пел ей песни о любви и море, но никогда не смел взять ее за руку – ведь она царская дочь! И уж точно не ему стать ее суженым. Впрочем, и Антиох долго размышлял, за кого выдать дочь-красавицу, чтобы укрепить свое царство. Много приходилось ему воевать, со всех сторон наступали враги: из-за Тигра – парфяне, из пустынь – пропахшие зноем, загорелые до черноты арабы. Некогда могучее государство Селевкидов грозило утратить владения в Малой Азии. На кусочек его территории – Келесирию – посматривал Египет, а алчные римляне давно облизывались на всю территорию и делали все, чтобы Селевкидская держава утратила мощь. После долгих раздумий о судьбе страны Антиох решил сблизиться с понтийским царем Митридатом, не раз дававшим римлянам отпор и не признававшим их политику. Как только отец объявил ей об этом, она, рыдая, бросилась к его ногам, крича:

– Отец, вы желаете моей смерти...

Но у царя не дрогнул ни один мускул на морщинистом лице, и Лаодика поняла: как бы он ни любил ее, она всегда была разменной монетой в его политике. И ослушаться его она не имела права: от нее зависела судьба страны, судьба ее народа. Так бедняжка отправилась на побережье Понта Эвксинского и стала понтийской царицей. Она сразу невзлюбила мужа и его подданных, диких – как ей казалось – язычников. Ее не радовало море, даже цветом отличавшееся от того, что омывало побережье ее родной страны, горы и леса вызывали раздражение. Весточки от родных приходили редко, и в них она не чувствовала тепла и тоски по ней. Родители сообщали лишь о войнах и о своем здоровье, наверное, считая, что дочери хорошо. Впрочем, теперь она была бы рада любой весточке, да посылать их уже давно некому. Сначала умерла мать, всегда, как она думала, бывшая не царицей, а служанкой при муже, не имевшей права замолвить словечко даже за детей, потом отец, и на трон взошел ее старший брат Антиох, тоже вскоре почивший. Ушли все, кто ее любил. Правда, остался младший брат Деметрий, в конце концов занявший престол, но он никогда не был близок с сестрой. К тому же скоро прилетела весть о его гибели. Кто царствовал сейчас в ее стране, она не знала. Слишком много царей сменилось за короткое время.

– Я знаю, что тебя тревожит, – сочный грудной голос Мнасителя вторгся в ее мысли. – Ты скорбишь о том, что за многие годы, проведенные здесь, так и не стала настоящей царицей. И я с тобой согласен.

– Что ты имеешь в виду, Мнаситей? – грозно спросила Лаодика, касаясь его тела, сплошь состоявшего из мускулов. – Говори!

– Ты никогда не любила Митридата Эвергета в отличие от знати и народа, – начал он. – Ты никогда не задумывалась, царица, почему его прозвали Эвергетом? Это значит благодетель. Он образован, приносит жертвы богам, играет на нескольких музыкальных инструментах – и все же тебе не мил, потому что не разделяет с тобой власть. Ты мать его детей – и только.

– Откуда ты это знаешь? – спросила она презрительно. – Разве я кому-нибудь жаловалась?

– А мне не нужны твои жалобы, чтобы узреть очевидное. – Он погладил черную бороду. – Ты несчастна, а я хочу всего лишь предложить тебе совет. Избавься от мужа.

Она вздрогнула, гладкий мраморный лоб покрылся потом. Ей показалось, что позолоченный грифон на стене напрягся и ошетинился, услышав такие крамольные речи.

– Ты с ума сошел!

– Нет, я размышляю как никогда здраво, царица, – продолжал Мнаситей. – Покончи с супругом и взойди на трон. Ты достойна этого.

Лаодика закрыла глаза. Длинные ресницы трепетали на мраморных щеках.

– Как это сделать? – прошептали ее сочные губы.

– Сегодня я принесу тебе одно снадобье. – Начальник телохранителей наклонился к самому ее уху. – С завтрашнего дня ты станешь подливать его в еду царю. Он умрет не сразу, сначала заболеет, и на тебя никто не подумает.

Она провела рукой по вспотевшему лицу:

– А если он догадается?

– Никто не догадается, царица, – заверил ее Мнаситель. – Сначала ты покончишь с ним, потом со старшим сыном Митридатом, которого твой супруг уже благословил на трон. Дочерей и твоего второго сына бояться нечего. Ты позаботишься о том, чтобы девочки поскорее вышли замуж и покинули царство, а твой младший очень болезненный, и Аид вскоре заберет его в свое царство без нашей помощи.

– Муж составил завещание. – Лаодика приподняла волосы. – В нем он назначает опекунами сыновей преданных царедворцев. Твоего имени там нет, как и моего...

Мнаситель оскалился, показав белые ровные зубы.

– Завещание можно подделать, – проговорил он и поскреб щетинистую щеку. – Это нетрудно. Ну, решайся.

Она села, белоснежная простыня сползла с тела античной богини. Начальник телохранителей залюбовался ее совершенными формами. Вот это женщина! Только бы она послушала его, только бы избавилась от супруга! Лаодика резко повернулась к нему, и упругая грудь гранатовыми сосками нацелилась ему в лицо.

– Думаешь, я не знаю, что ты тоже заинтересован в его смерти? – ехидно спросила женщина. – Ты и твои друзья давно снюхались с римлянами и мечтаете о времени, когда они поработят и нас.

Мнаситель откинулся на мягкие пуховые подушки.

– Допустим. – В его голосе не слышалось ни капли раскаяния. – Римляне на данный момент самые сильные в мире. Нужно держаться сильных, это известно всем. А твой супруг с полководцем Дорилаком Тактиком собирает новое войско, чтобы, как он говорит, покончить с притязаниями римлян на государство Малой Азии. Поверь, это приведет к тому, что нас действительно поработят. Но если мы встанем на их сторону, то сможем диктовать им свои условия. Ну, соглашайся же, или из царицы превратишься в римскую наложницу.

– Я согласна, – прошептала она. – Я согласна.

– Тогда завтра... – любовник не успел закончить фразу. В дверь покоев тихо постучали. Оба знали, что это опахальщик, преданный царице.

– Приехал ваш супруг, госпожа! – проговорил он.

Мнасией молниеносно вскочил с ложа:

– Одевайся. Мы не должны вызвать подозрение. В полдень придешь к храму Афины. Я принесу снадобье.

– Да. – Лаодика накинула разбросанные одежды, вывела любовника в коридор и отправилась встречать мужа. Он и сам спешил навстречу, высокий, плечистый, всегда напоминавший ей статую Зевса. Старший сын, двенадцатилетний Митридат, поразительно похожий на отца, шагал рядом, стараясь не отставать. Во дворце ни для кого не было секретом, что Митридат – любимец царя. Отец нанимал ему лучших учителей, обучавших ребенка нескольким языкам, игре на музыкальных инструментах, верховой езде, этикету. Злые языки шептали, что Митридат Эвергет выделяет старшего отпрыска, потому что при его рождении над спальней повисла огромная комета. Получается, уже сизмальства Митридат-младший был отмечен богами, правильнее сказать, самим Зевсом-громовержцем, и кто, как не он, должен занять царский трон.

Отец и сын поздоровались с Лаодикой и направились в трапезную. Рабыни, молодые и не очень, хорошенькие и уродливые, суетились, уставляя едой маленькие столики. Пахло оливками, рыбой, жареной птицей. На апоклинтрах, специальных стульях, сделанных так, чтобы сидящим на них не нужно было двигаться, уже возлежали две Лаодики-младшие, названные по традиции в честь матери и поразительно не похожие друг на друга. Старшая взяла от родителей лучшее и обещала по красоте превзойти мать, а младшая, гадкий утенок, тощая, нескладная, с длинным носом и большим ртом, вызывала вопросительные взгляды и удивление: как такой ребенок мог появиться у красавцев-родителей? Второй Митридат (оба мальчика звались в честь отца), болезненный, измученный, худой, до сих пор живший на женской половине, выглядел бледной копией брата, карандашным наброском старшего, розовощекого, синеглазого, с гибким тренированным телом. Он лишь слабо улыбнулся, поприветствовав отца. Эвергет боялся прикоснуться к нему, поэтому отложил занятия, которым обучали каждого мальчика, особенно знатного происхождения, на неопределенное время. Слабенький, гибкий и тонкий, как былинка ковыля, мальчик не усидел бы в седле, не поднял меч. Память его

отказывалась запоминать алфавит, и родители тешили себя надеждой, что у него все еще впереди. Врач, неотлучно находившийся при мальчике, каждый день сообщал о состоянии его здоровья, и порой его сообщения были обнадеживающими.

Для трапезы царской семьи сдвигали три апоклинтра буквой «П», а с четвертой стороны рабы подносили столики с едой, угощения и вина. Митридат омыл руки в круглой серебряной чаше, подождал, пока красивая рабыня Валерия, иногда делившая с ним ложе, плеснет ему вина, пригубил его, медленно, смакуя вкус, плеснул немного на пол, совершая возлияние богам, и Лаодика почувствовала тошноту. Завтра, завтра ей принесут яд, и она нальет его перед обедом вот в этот самый золотой кубок, доставшийся мужу по наследству от отца. Никто никогда не смел прикасаться к нему, поэтому нечего бояться, что кто-то другой отведаст питье вместо него. Лаодика опустила глаза, катая по скатерти оливку черного цвета с уксусным запахом. О боги, пошлите ей силы!

– Ты ничего не ешь, что с тобой? – Митридат Эвергет заботливо посмотрел на жену. – Почему?

Она дернула обнаженным левым плечом с крошечной черной родинкой:

– От запаха жареной рыбы меня тошнит.

Царь улыбнулся, и его мужественное лицо посветлело:

– Возможно, у меня будет наследник?

Лаодика вздрогнула, оливка упала на пол, оставив темный след на белоснежном мраморе.

– Не думаю, – ответила она. – Просто болит голова.

Эвергет вздохнул и обратил взор на детей. Девочки, обе Лаодики, ели изящно, отрывая от куропатки маленькие кусочки и складывая кости на пол. Старший, Митридат, жадно рвал хорошо прожаренное мясо, а младший сидел, погруженный в свои думы, глядя на нетронутую еду. У него никогда не было аппетита, и родители силой заставляли его съесть хотя бы кусочек. Заметив

напряженный взгляд отца, он немного пожевал крылышко куропатки и закашлялся. Врач, всегда бывший рядом, во время трапезы скромно сидевший в углу, подбежал к своему подопечному и заставил его принять какой-то порошок. Ребенок покорно выпил, и на его бледном одутловатом лице отразилось страдание.

– Не лучше ли ему лечь в постель? – произнесла царица. Врач, седобородый, плотный, с пронзительными серыми глазами, закивал:

– Да, так будет лучше.

Он помог ребенку встать и повел его в покои. Митридат-младший еле передвигал ноги. Эвергет поморщился, глядя на немощного сына, вспомнив слова повитухи, принимавшей роды у жены:

– Этот долго не протянет. Денька два-три, не больше.

Но мальчик цеплялся за жизнь, состоявшую из простуд, припадков, худенькими прозрачными ручонками, покорно принимал лекарства и вот уже десять лет влачил жалкое существование. Какая противоположность брату! Несмотря на то что в обществе презирали слабых, отец и мать любили его и делали все, чтобы облегчить страдания несчастного. Старший сын проводил брата равнодушным взглядом и посмотрел на сестер. От отца он недавно узнал, что по традиции придется жениться на Лаодике-младшей, уродливом существе с кривыми желтоватыми зубами, и от этой мысли его передергивало. Он уже достиг двенадцатилетнего возраста, и его наставник рассказал мальчику о плотской любви. И этим предстоит заниматься с уродливой сестрой, вдыхать пряный запах ее мышиных волос? Отец, услышав его сетования, посмеялся и сказал, что позже Митридат может взять в жены любую приглянувшуюся девушку. Но это потом. Брака с Лаодикой избежать нельзя. Это традиция, а традиции нужно чтить.

Лаодика заметила пристальный взгляд брата и показала ему язык. Мальчик хотел запустить в нее оливкой, но передумал. Это горю не поможет. Он взял бокал и залпом выпил разбавленное вино. Эвергет уже закончил трапезу и вместе с Лаодикой прошествовал в покои. Митридату не хотелось отдыхать, и он вышел во дворик, побродить по саду, а потом наведаться к любимому коню. Дойдя до скамейки, наполовину скрытой серебристыми ветвями лоха, он присел

на нее, спасаясь от полуденного зноя, и с удивлением увидел, как его мать крадучись идет к выходу. Это насторожило мальчика. Почему крадучись? В конце концов мать – царица и должна гордо носить красивую голову. Так, как шла она, ходили только люди, замышлявшие что-то нехорошее, во всяком случае, он так считал. Что же замыслила его мать?

Прячась в тени мандариновых деревьев, он направился за ней. Поднимаясь по дороге, ведущей в гору, Лаодика несколько раз воровато оглянулась, но не заметила сына, идущего за ней по пятам. Дойдя до храма Афины, выделявшегося мраморными колоннами, женщина остановилась. Митридат притаился в зеленом колючем терновнике, не обращая внимания на уколы острых шипов. Пахло сухой травой, тишину нарушали цикады, выводившие древние, как мир, песни. Когда из-за толстого ствола эвкалипта вынырнул Мнасией, Митридат затаил дыхание. Что здесь делает этот человек? Неужели пришел на свидание к его матери? Он старался не пропустить ни единого слова, но все равно ничего не расслышал. Эти двое шептались, как заговорщики, Мнасией передал Лаодике какой-то коричневый сосуд, что-то долго объяснял. До Митридата донеслись лишь прощальные слова начальника телохранителей:

– Помни, от этого многое зависит.

Мать сверкнула глазами, согнулась и, не попрощавшись, направилась во дворец, осторожно шагая по протоптанной тропе. Мальчику захотелось догнать ее, схватить за волосы и выведать тайну – он был уверен, что мать что-то скрывает. Однако сделать это Митридат не решился. Тогда ему было невдомек, что такой поступок мог изменить многое. Проводив мать до дворца, мальчик пошел к конюшне, где его уже ожидал наставник. В душе боролись противоречивые чувства: любовь к матери и желание разоблачить ее. Может быть, все рассказать отцу? Но что, если в ее действиях нет ничего преступного? Тогда над ним посмеются, и прежде всего будущая жена. Нет, лучше никому ничего не говорить, во всяком случае, пока. Он последит за матерью, а потом решит, как быть дальше.

Мальчик продолжил путь к конюшне, где его ожидал мужчина с белым шрамом под глазом, выделявшимся на его смуглом лице. Это был храбрый воин и наставник Митридата Тирибаз, обучавший его по поручению отца всему: верховой езде, владению мечом, стрельбе из лука. В отличие от других учителей Тирибаз не разлучался с Митридатом, даже спал с ним в одной комнате. Увидев озабоченное лицо царского сына, Тирибаз участливо заглянул ему в глаза:

– Что случилось?

Мальчику до смерти хотелось поделиться с учителем, но он понимал, что это не только его тайна. Царевич ответил как можно равнодушнее «ничего», и Тирибаз не стал пытаться его дальше. Главное, жизни его воспитанника ничто не угрожает. А секреты... что ж, у двенадцатилетнего мальчика они могут быть. Воин похлопал его по плечу и сказал:

– Начнем с верховой езды. Я уже оседлал тебе коня.

Дивноморск, 2017

В ту прохладную влажную июньскую ночь за окном жалобно и назойливо щебетала какая-то птица. Лариса, проснувшись, с тревогой прислушалась к шумам в саду и доме. Она никак не могла привыкнуть, что дачный дом, небольшой, двухэтажный, с красной черепичной крышей и овальными окнами, густо оплетенный диким виноградом, делавшим его похожим на жилище гномов, такой уютный и такой загадочный, постоянно был наполнен звуками. Ей казалось, что в нем всегда присутствовал шум, возможно, рожденный сном или воображением. Но сейчас шум напоминал шелест дерева о дерево, будто кто-то сначала открыл дверцу гардероба, потом выдвинул ящик тумбочки. Не выдержав, женщина испуганно вскочила. Когда на втором этаже пронзительно хлопнула оконная рама, ринулась наверх и, увидев, что все в порядке, тут же успокоила себя:

– Это ветер, это всего лишь ветер. Штормовое предупреждение. Так говорили по телевизору.

Однако от этих слов ей не стало лучше, и, преодолевая страх, она поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж и закрыла окно, подумав о том, что никогда не стала бы ночевать одна на даче, если бы ее не просил об этом Стас. Три дня назад, уезжая в командировку, супруг сказал, глядя ее медные волнистые волосы:

– Я понимаю, ты не любишь находиться здесь одна. Но прошу тебя, не уезжай домой, пока меня не будет. Я хочу вернуться сюда. Тебе известно, как я люблю

этот дом, с каким удовольствием работаю на свежем воздухе. Все мои лучшие научные работы были написаны здесь... А кроме того, на даче я отдыхаю душой.

И она послушно осталась. Стас обещал вернуться еще вчера, однако не вернулся, не звонил и – самое удивительное – не брал трубку. Смутные подозрения, что он не в командировке, опять закрались в душу. Действительно ли он уехал по делам или в их привычную размеренную жизнь вкралась какая-то женщина? Подозревать мужа в неверности были основания. Иногда – или ей только казалось? Да нет, вряд ли – от него пахло тонкими французскими духами «Клима». Она хорошо знала этот запах – феерию воздушных, сладких и терпких нот – такими душились уверенные в себе, состоявшиеся дамы. Красовская предпочитала «Нино Риччи». «Клима» душилась ее покойная мама, и этот аромат всегда витал в воздухе их старой квартиры. Сейчас эти духи были редкостью, но некоторые интернет-магазины еще предлагали их за баснословную цену. Следовательно, их можно было достать. Следовательно, спутница ее мужа могла ими душиться. Естественно, Лариса спрашивала о запахе, так некстати доносившемся с ворота безупречно чистой рубашки, перебивая мужнин «Кензо», однако Стас только отшучивался: дескать, была конференция, после нее банкет, а потом все, изрядно выпивши, прощались и обнимались. Разумеется, были и женщины. Но ведь в дружеских объятиях нет ничего зазорного, верно? Лариса, слушая мужа, и верила, и не верила. Она страшно боялась, что в один прекрасный день умный и обаятельный, чертовски похожий на Тома Круза Стас ее бросит, найдет помоложе и покрасивее, например, среди своих студенток, и тогда... Тогда лучше умереть, чем жить на свете совсем одной. За десять лет брака они не родили детей, потому что этого не хотел Стас (хотя, наверное, думал), а Лариса боялась даже заикнуться об этом. И тем не менее между ними всегда стоял безмолвный Вопрос о детях, именно Вопрос с большой буквы, стоял как живой человек, иногда напоминая о себе криками племянника, играми соседских детишек и ничего не значащими намеками. Когда-нибудь, но не теперь... А теперь ей уже тридцать восемь. Муж еще мужчина в соку, а она... Бесплодная смоковница, так, кажется, говорил один азербайджанский писатель, имея в виду ей подобных. Пустоцвет – это уже по Толстому.

Безрадостные мысли молнией промелькнули в голове, и женщина, вздохнув, стала спускаться вниз. Одернув шелковую ночную рубашку, она присела на кровать, ища глазами старый круглый будильник, и, не найдя, скользнула под простыню, однако уснуть ей помешал звонок мобильного телефона, так нелогично ворвавшийся в темную тишину.

Лариса вскочила, с испугом протянув руку к коричневой сумочке из крокодиловой кожи, матово поблескивавшей в свете мертвецки бледной луны, – подарку Стаса на тридцатилетие, висевшей на стуле.

– Стас?

– С вами говорит следователь майор Сергей Никитин, – отчеканили в трубке. Голос был бесстрастным, словно у робота. – Вы Лариса Красовская?

Сердце тревожно забилось, словно птица, попавшая в силки:

– Да. А что случилось?

– У меня для вас неприятное известие, – проговорил полицейский. Его голос по-прежнему отдавал металлом и не предвещал ничего хорошего.

Она прерывисто задышала:

– Говорите же...

– Ваш муж, – Никитин сделал паузу, словно набирая воздух в грудь.

– Что, что с ним?

– Его больше нет, – выдохнул он. – Вы должны...

Лариса перебила его, нервно рассмеявшись:

– Нет? Этого не может быть. Он в командировке...

– Выслушайте меня, прошу вас, – почти умоляюще попросил майор. – Ваш муж погиб... Утонул...

Лариса замерла лишь на мгновение, потом расхохоталась. Смех гулко разнесся по комнатам:

– Утонул? Что за чушь? Стас прекрасно плавал. Это какая-то ошибка.

– Он вышел на яхте в бушующее море, – терпеливо объяснил полицейский. – Судно затонуло. Вероятно, ваш муж пытался добраться до берега, но его долго било о прибрежные скалы. Лицо достаточно сильно изуродовано. Вам придется проехать на опознание. Собирайтесь. Через час я за вами заеду. Скажите мне адрес вашей дачи.

Механически называя дом и улицу, Лариса все еще не могла поверить в услышанное. Утонул, выйдя на яхте в шторм? Она потеряла влажные виски, вздрогнула, почувствовав пульсацию крови. Этого не может быть, потому что не может быть. В этом женщина была уверена, как в своем имени. Стас не мог выйти на яхте, которую они часто арендовали у одного приятеля, в шторм. Не выходить на яхте в шторм составляло одно из его неписаных правил. Всего их было два. Еще он никогда не садился за руль пьяным и строго-настрого запретил это делать жене, каждый раз напутствуя:

– Не скупись и вызывай такси, если уж попала в такую ситуацию.

В такую ситуацию Лариса ни разу не попадала, потому что практически не пила, разве что глоток кагора по большим праздникам, чаще всего церковным. От шампанского, даже самого дорогого, кружилась голова, тошнило, водка вызывала отвращение. А потом она и вовсе продала свою машину – ненавидела сидеть за рулем. А вот Стас любил пропустить стаканчик-другой красного крымского вина, неважно какого, в зависимости от ситуации, и частенько приезжал домой на такси.

К вопросу о выходе на яхте в шторм он относился не менее серьезно. На Кавказе много хороших дней с тихой и ясной погодой, когда на море если не полный штиль, то хотя бы легкие белые барашки, и на борту даже не чувствуется качка. Зачем же испытывать судьбу, когда можно просто отложить мероприятие? Погода нарушает планы? Значит, черт с ними, с планами, в конце концов жизнь дороже – так считал ее супруг и, несомненно, был прав. Подумав об этом и даже представив себе его суровое волевое лицо и жестикуляцию, Лариса успокоилась. Некто, погибший на яхте, не был ее мужем, просто не мог им быть. Произошла чудовищная ошибка. Стас скоро вернется и все объяснит. И ей нет нужды опознавать тело чужого мужчины. Разложив все по полочкам, во всяком случае, так ей показалось, она села на кровать, обхватив руками гудевшую голову.

* * *

Когда в калитку дачи позвонили, Красовская накинула красный халат, расшитый золотыми драконами, – подарок свекрови на свадьбу – и выскочила в предрассветные сумерки. Возле калитки Лариса увидела высокого симпатичного мужчину с мужественным лицом, широким носом и квадратным подбородком, подстриженного коротко, по-военному. Он сразу, не поздоровавшись, сунул ей под нос удостоверение.

– Я вижу, вы не последовали моему совету и не оделись, – недовольно сказал он. – Почему?

Она откашлялась, чтобы голос звучал как можно увереннее, но он все равно дрогнул, а щека предательски задергалась.

– Я не поеду с вами, потому что у вас в морге лежит не мой муж.

Майор посмотрел на нее. Его стальное лицо вытянулось:

– Почему вы в этом убеждены?

– Потому что Стас никогда не выходил на яхте в шторм, – произнесла Лариса, споткнувшись на слове «выходил». Господи, ну почему она сказала о муже в прошедшем времени? Он жив, это даже не обсуждается. – Не выходит, извините, – поправилась она. – Это одно из его правил. У вас есть правила, которые вы свято чтите?

Офицер усмехнулся, слегка растянув толстые, как гусеницы, губы:

– Уверяю вас, я никогда не приехал бы сюда на ночь глядя, если бы хоть каплю сомневался. Поверьте, у меня имеются веские доказательства, что в морге ваш муж. В его кармане мы обнаружили паспорт и водительское удостоверение. Если это не ваш супруг, как документы попали к нему? У вас есть разумное объяснение?

Лариса сжала кулаки, длинные ногти, как иглы, впились в кожу, и женщина почувствовала боль. Документы Стаса в пиджаке трупа. Бред... Как такое

возможно?

– Его паспорт? Но этого не может быть...

Теперь в ее голосе явно слышались неуверенные нотки, и Никитин взял ситуацию в свои руки:

– Не лучше ли проехать со мной? Если по какой-то причине произошла такая чудовищная ошибка, мы принесем извинения.

Она послушно кивнула, поправив светлую прядь волос:

– Да, пожалуй, иначе вы от меня не отстанете. Подождите минутку.

Она не предложила ему подождать в доме – обойдется, взлетела на второй этаж, быстро сняла халат и надела легкое летнее платье, взбив густые, слегка вьющиеся медные волосы, оттенявшие синие огромные глаза. Спустившись, Лариса заметила, что офицер сам пригласил себя в коридор и терпеливо ждал ее у картины какого-то крымского художника, фамилию которого женщина никак не могла запомнить.

– Я готова. – Она гневно сверкнула на него глазами, но полицейский не обратил на это внимания, лишь кивнул:

– Возле калитки стоит моя машина.

Красовская проследовала за ним. У ворот действительно припарковалась кремовая «Вольво», так себе машинка, не первой свежести, с заметными следами коррозии на капоте. Видимо, не так хорошо платят полицейским, как говорят, – отсюда и вековая коррупция в этих органах. Женщина нервно дернула ручку дверцы переднего сиденья, и следователь насмешливо спросил:

– Вы разве не хотите закрыть калитку?

– Стасу не понравится, если тут никого не будет. – Лариса поежилась от внезапно налетевшего с моря ветерка. – Когда он придет, я должна ждать его. А он скоро вернется. Пусть калитка останется открытой, чтобы он знал...

Никитин смотрел на нее явно как на сумасшедшую – расширенными от удивления глазами и с глупой полуулыбкой.

– Давайте сюда ключи, – распорядился он. Лариса послушалась и протянула ему связку. Он безошибочно нашел нужный, несколько секунд поковырялся в замке и вскоре усадил ее на сиденье рядом с водительским. Когда машина сорвалась с места, Сергей заметил:

– Эксперты установили, что мужчина мертв уже более двух суток. Если бы не пустынный дикий пляж, куда прибило его тело, его бы давно обнаружили. Ваш супруг звонил вам в течение двух последних суток?

– Нет, но это ничего не значит, – ответила Лариса, тяжело выдохнув. – Если вы наводили о нем справки, то знаете, что Стас – профессор, доктор исторических наук. Он часто ездит на конференции, которые порой организовываются в горах, где не ловит телефон.

Никитин наклонил голову, внимая каждому слову:

– Значит, он сказал, что едет на конференцию...

– Он сказал, что едет в командировку, – перебила женщина, словно удивляясь его тупости. Впрочем, с внешностью терминатора странно обладать мозгами. – Стас собирался в спешке и не рассказывал никаких подробностей. Кстати, поездки на конференцию он тоже называл командировками.

– Понятно.

– Что вам понятно? – вскипела Красовская. – Судя по всему, вам ничего не понятно. А если бы это было не так, вы бы немедленно отвезли меня назад, на дачу.

– Я уже сказал, у меня факты, – майор вздохнул, – и не моя вина, что в кармане трупа оказались документы вашего мужа. Вы зря кипятитесь, – добавил он уже более миролюбиво, но Лариса не хотела идти на компромисс, надула губы и отвернулась, всматриваясь в предрассветные сумерки и не отвечая на вопросы. В полном молчании они доехали до одноэтажного белого здания, по обеим

сторонам которого, как верные стражи, стояли высокие стройные тополя. Майор притормозил у входа, выскочил из машины и, как галантный кавалер, открыл дверцу:

– Мы приехали.

Она помедлила, прежде чем выйти. Почувствовав, что женщина боится, Сергей дружески улыбнулся:

– Если вас поддержит мое присутствие...

Лариса дернула плечом:

– Нет, все нормально. Я поучаствую в опознании, если это необходимо. Ну и для того, чтобы доказать: вы ошибаетесь, майор.

– Дай бог, – философски заметил он, помогая ей выйти. – Смотрите, нас уже ждут.

На пороге стоял плотный круглолицый мужчина в белом халате, морщась от первых, таких неожиданных лучей солнца, заглядывавших ему в глаза.

– Привезли, Сергей Викторович? – поинтересовался он, посмотрев на Ларису. – Нашатырь нужен?

Она покачала головой:

– Нет, – и смело потянула на себя тяжелую дверь. Коридор окутал ее резкими запахами, от которых она чуть не потеряла сознание. Чертов формалин...

– Сюда. – Патологоанатом провел ее в комнату, где на каталке лежало накрытое простыней тело.

– Можно начинать? – поинтересовался он, бросив взгляд на майора. Тот кивнул:

– Да.

– Хорошо. – Врач откинул неестественно-белую простыню, и Лариса, собрав все силы, взглянула на неподвижно лежащего высокого мужчину. Его лицо превратилось в сплошной синяк и вспухло. Глаза, нос, рот, брови – все вздыбилось, напоминая бесформенную заготовку гипсовой маски. Узнать или не узнать Стаса просто не представлялось возможным. Женщина пробежалась глазами по белым, как простыня, рукам и, вскрикнув, упала на холодные плиты пола. Мужчины бросились к ней, приподняли, отнесли в другую комнату и уложили бесчувственное тело на кушетку.

– Вот тебе на, – протянул патологоанатом. – А говорит – нашатырь не надо.

– Ты не разглагольствуй, приводи ее в чувство, – распорядился Сергей и добавил: – Ей-богу, она его узнала.

Врач быстро принес смоченную нашатырем ватку и сунул под нос Ларисе. Она глубоко вздохнула, закашлялась и открыла глаза.

– Как вы себя чувствуете? – ласково спросил майор. Она поморщилась, всхлипнула:

– Паршиво.

– Это ваш муж? Вы его узнали? – Майору меньше всего хотелось задавать ей вопросы. Красовская выглядела такой беззащитной, такой ранимой – случайно затерявшимся в мире взрослых ребенком. Он в который раз проклял свою работу:

– Вы его узнали?

– Да, – прошептала Лариса. – Искривленный мизинец на правой руке... Стас сломал его в горах, поздно обратился к врачу, и палец неправильно сросся. Можно было бы сделать операцию и выпрямить, но он не хотел. Это никак не влияло на его работу. Не сумки же носить...

«Господи, что я плету?» – пронеслось у нее в голове, и женщина произнесла более твердо:

– Вы правы, это мой муж. – Она попыталась встать, но ее качнуло, и Лариса чуть не упала на свежeweмытые плиты пола.

Сергей вовремя подхватил ее:

– Пойдемте отсюда. Я отвезу вас на дачу.

– Нет! – вскрикнула она. – Только не туда, умоляю вас.

– Как скажете, – согласился Никитин. – Куда же?

– На квартиру. – Она назвала адрес и, испуганно моргая, спросила: – Когда я смогу забрать его?

– Наверное, через день, – отозвался майор, пожав борцовскими плечами, – будет проведена экспертиза. Хотя у меня нет никаких сомнений, что ваш муж – утопленник, положено заключение судмедэксперта.

Лариса закивала:

– Да, да, я понимаю.

Машина помчалась к центру города. Женщина уже не выглядела надменной, она напоминала воробья, запутавшегося в силках и почти смирившегося с судьбой.

– Скажите, какие вещи нашли при моем муже? – поинтересовалась Лариса, сдерживая дрожь в голосе, и, решившись, выпалила: – И еще. Он был один на яхте?

Майор посмотрел на нее с интересом:

– Один? Да, один. А почему вы спрашиваете?

Ей показалось, что он что-то скрывает, и многолетние подозрения снова заполнили ее измученную душу.

– Прошу вас, ничего не утаивайте от меня.

– Почему вы решили, что я что-то утаиваю? – удивился Никитин. – У меня и в мыслях такого не было.

Она отвернулась к окну и промолчала.

– Почему же вы так решили? – уточнил он.

– Я уже говорила, что мой муж никогда не вышел бы на яхте в шторм, – пояснила женщина. – Это было одним из его табу. Наверное, он нарушил бы его в случае, если бы его кто-нибудь об этом попросил. Кто-то очень близкий и дорогой.

– Возможно, – не стал спорить Никитин. – Но в данном случае мне ничего не известно о его спутнике.

Автомобиль подъехал к трехэтажному старому дому сталинской постройки и остановился у среднего подъезда.

– Здесь? – спросил майор.

– Да, спасибо вам. – Она сама открыла дверцу, не дожидаясь, пока офицер поможет ей. – Вы сообщите мне новости?

– Конечно. – Он наклонил голову. – До встречи. Если я вам понадоблюсь раньше, вот, звоните. – Сергей протянул ей визитку.

Лариса послушно, будто на автомате, взяла ее двумя ледяными пальцами и отозвалась, как эхо:

– До встречи.

Открыв дверь подъезда и вдохнув едкий запах моющих средств (уборщица уже заканчивала мыть лестницу), она, подумав о том, что муж обязательно закашлял бы – аллергик, он не переносил такие ароматы, – словно робот, стала подниматься на второй этаж. Навстречу ей уже спускались соседи, спешащие на работу, но Красовская никого не видела и не отвечала на их приветствия. Для

нее все померкло со смертью мужа. Она не заметила, как оказалась у своей двери, как открыла ее и вошла в квартиру, залитую тишиной, зловещей, не предвещающей ничего хорошего. Очнувшись от забытья, женщина подумала, что такая тишина с сегодняшнего утра навсегда поселится в ее доме, будет преследовать до конца ее дней, но ошиблась. Звонок городского телефона словно разорвал квартиру на мелкие кусочки.

Лариса неторопливо подошла к аппарату и подняла трубку:

– Слушаю.

В ответ не раздалось ни звука, на том конце молчали. Не было слышно даже дыхания.

– Кто это? Говорите.

Ее требование осталось без ответа. Она с раздражением бросила трубку.

– Что за дурацкие шутки. У кого хватает совести...

Телефон снова зазвонил так же настойчиво, как и в первый раз, и женщина истошно крикнула, нажав на кнопку вызова:

– Или говорите, или прекращайте меня беспокоить!

– Лариса? – услышала она негромкий голос золовки, сестры Стаса Милены. – Что с тобой?

– Это ты звонила минуту назад? – задыхаясь, спросила женщина.

– Минуту назад я набирала номер, – пояснила Милена. Лариса скрипнула зубами:

– Значит, какой-то идиот.

– Да, нынче их много развелось, – согласилась золовка. – Ты извини, что я так рано. Мне срочно понадобился мой братец. Надеюсь, он уже вернулся с

пробежки?

Ей было известно о привычках Стаса. В половине шестого братец уже совершал утреннюю пробежку – тоже своего рода ритуал, которому он никогда не изменял, бежал в любую погоду, а в шесть со стаканом чая – очень крепким, заваренным до черноты – изучал научные статьи.

Лариса хотела ответить, но ком в горле помешал это сделать, вызвал нервный кашель, и Милена поинтересовалась:

– Он рядом с тобой?

– Его нет, Милена. – Лариса собралась с силами и крикнула в трубку: – Его больше нет!

– Как? – Его сестра прерывисто задышала. – Ты что такое говоришь?

– Стаса больше нет, – повторила Лариса уже более спокойно, хотя каждое слово давалось ей с трудом. – Он утонул, катаясь на яхте.

– Утонул? Что за чушь? – Милена не верила, не хотела верить. – Как он мог утонуть?

Для нее это тоже было дико и непонятно. Брат с детства плавал как рыба.

– На море был шторм, – пояснила женщина, до крови закусив губу. – Яхта перевернулась...

– Перевернулась? Но это невозможно. – Золовке по-прежнему казалось, что Лариса грубо шутит. – Ты сама прекрасно знаешь, что он никогда бы не вышел в шторм. Месяц назад я просила его прокатить нас с Вадимом, но Стас отказался: объявили штормовое. Лариса, если вы со Стасом договорились разыграть меня, то это глупая шутка.

– Я повторяю, твой брат мертв и сейчас лежит в морге, – закричала Лариса, смахивая рубиновую бусинку крови. – Я не шучу. Если хочешь, я скажу тебе адрес. Поезжай и проверь.

Милена словно захлебнулась:

– Значит, это правда. Я немедленно приезжаю к тебе.

В трубке раздались гудки. Положив ее рядом с аппаратом, Красовская вернулась в комнату и села на диван, накрытый коричневым покрывалом с тиграми. Когда-то это покрывало... Не надо, не сейчас... Она радовалась, что скоро приедет Милена. Меньше всего ей хотелось быть одной, в этой удушливой тишине, раздиравшей сердце.

Сестра Стаса обладала способностью не терять спокойствие даже в самых сложных ситуациях. А сложных ситуаций намечалось слишком много. Взгляд Ларисы упал на большую фотографию, стоявшую на полке. На ней они со Стасом, молодые и счастливые, смотрели в объектив. Казалось, с момента их знакомства прошло много лет. Она вспомнила теплый майский вечер, набережную и неторопливо идущих по ней нарядных людей.

Откуда-то из припаркованной неподалеку машины звучал голос Кати Лель: «Мой мармеладный, я не права». Улыбаясь незатейливым словам, Лариса села на скамейку, подставив лицо лучам ласкового солнца. Когда рядом с ней примостился какой-то мужчина, девушка даже не посмотрела на него. Она не хотела, чтобы кто-то, как снаряд, врвался в ее мысли, нарушал спокойствие.

– У вас есть мармеладный? – тихо спросил он, наклонившись к ней. Лариса встрепенулась:

– Что?

– Я спрашиваю, у вас есть мармеладный? – повторил незнакомец, и, взглянув на него, Лариса отметила: он был молод и красив – вылитый голливудский актер (тогда она еще не слышала про Тома Круза), крепкий, черноволосый, большеглазый, с длинными ресницами, обрамлявшими черные влажные глаза.

– Вам есть до этого дело? – поинтересовалась она.

– Есть, раз спрашиваю, – улыбнулся незнакомец. – Так да или нет?

Меньше всего Ларисе хотелось знакомиться вот так, на улице. Разве порядочный человек станет знакомиться на улице? Пусть этот господин идет куда шел. Она встала и поправила платье, белое, в красный горошек. Незнакомец схватил ее за руку:

– Куда вы?

На душе как-то сразу стало спокойно. Она уже не помнила, что отвечала. Память запечатлела только, что мужчина, представившись, отправился ее провожать и по дороге стал рассказывать о своей специальности. Лариса с удивлением услышала, что они коллеги. Она тоже окончила истфак и собиралась работать в школе учителем. Со Стасом было легко и интересно. Он сразу загрузил ее фактами, касавшимися истории городов Причерноморья – от легенд до реалий. Лариса не заметила, как они дошли до ее дома. На прощание Стас попросил телефон. И вскоре их роман разгорелся со страшной силой. Через год молодые люди поженились, и женщина считала себя счастливой. Омрачало счастье только отсутствие детей... Нет, она все время напоминала, что их семье необходимо пополнение. Стас же хотел сделать карьеру и расширить жилплощадь. Его «подожди и потерпи» затянулось на годы. Теперь, оставшись в одиночестве, она понимала, какую сделала глупость, согласившись со Стасом, посвятив ему свою жизнь – в школе проработала всего два года и уволилась по его просьбе – и откладывая «на потом» рождение ребенка. О детях нельзя говорить – «на потом».

От горестных мыслей Ларису оторвал звонок в дверь. Разливавшийся колокольным звоном, впервые за многие годы он показался ей резким, пронзительным, щекочущим нервы, и она удивилась, как терпела его столько лет. С трудом встав с дивана, женщина медленно пошла к входной двери и открыла ее, даже не поинтересовавшись, кто за ней. На пороге стояла Милена, полная, черноволосая, чем-то похожая на брата, но – странно – некрасивая, непривлекательная, с тревогой в больших карих глазах.

– Ларочка! – Она бросилась к хозяйке и заключила ее в свои объятия. Подмышки женщины остро пахли потом, и Лариса поморщилась. Золовка не отличалась аккуратностью.

– Ларочка! – всхлипнула Милена. – Значит, это правда?

– Да, это правда. Мне выдадут его тело через день.

– А я так надеялась, что вы меня разыгрываете. – Она скинула белые летние босоножки, вошла в комнату и без спроса плюхнулась в кресло, лишь на мгновение закрыв глаза. Лариса знала, что ей понадобится всего несколько секунд, чтобы прийти в себя.

– Значит, послезавтра тебе отдадут тело, – констатировала Милена. – А сегодня мы поедем с тобой в похоронную контору. У тебя есть что-нибудь на примете?

Женщина охнула:

– Да что ты такое говоришь? Зачем мне до сегодняшнего дня была нужна похоронная контора?

– Значит, нет. – Гостья сцепила большие мужские руки. – Ладно, это не проблема. Вадим что-нибудь подберет. Нам с тобой нужно будет выбрать гроб. Кстати, – вдруг поинтересовалась она, – у тебя есть деньги?

– Я не знаю, – растерялась Лариса. Милена вытаращила глаза и открыла рот, сразу став похожей на только что выловленную большую рыбу.

– Как так – не знаю?

– Всеми финансами заведовал Стас, – призналась женщина. – Я ведь не работала.

– Он что, выдавал тебе только на карманные расходы? – удивилась Милена. – Никогда не думала, что мой братец...

– Нет, ты не так поняла, – перебила ее Лариса. – Он давал мне столько, сколько я хотела. Но я ни в чем не нуждалась, понимаешь? Он сам покупал мне платья, привозил продукты и говорил, что хочет съесть за обедом и ужином. Нас обоих устраивало такое положение вещей.

– Ну если только так, – протянула Милена. – Значит, на данный момент у тебя ни копейки. Может быть, Стас куда-нибудь складывал деньги? Так, на всякий

случай. На случай длительной командировки, например. Он ведь часто уезжал на поиски артефактов.

– Не знаю. – Лариса беспомощно развела руками. – Ничего не знаю.

– Ну ты даешь. – Золовка вскочила с дивана и принялась ходить по комнате. – Впрочем, быть не может, чтобы у вас дома не было ни полушки. Давай поищем. Наверняка где-то лежит его борсетка с купюрами.

– Иногда он оставлял мне деньги в старой коробке из-под конфет, – прошептала Красовская. – Она всегда лежала на старом пианино.

Милена подошла к допотопному немецкому фортепиано, так нелепо смотревшемуся на фоне современной мебели.

– Эта, что ли?

Она помахала жестяной из-под леденцов, на крышке которой красовался пудель с высунутым кумачовым языком:

– Нашли куда складывать деньги. Знаешь, сколько воров ходит сейчас по домам под видом сантехников или слесарей?

– Стасу нравились такие коробки. – Лариса открыла крышку, никак не отреагировав на слова золовки. – Так и знала. Здесь ничего нет.

– Здесь нет, поищем в другом месте. – Сестра Стаса деловито обшарила каждый угол, пролиستала каждую книжку, затратив на поиски около получаса. Было видно, что она дока в этом деле – отыскивать припрятанную мужем зарплату. – Ты права, подруга. Мой братец ничего не оставил перед конференцией.

– Он ведь не думал умирать! – выкрикнула вдова.

– Верно, – согласилась с ней Милена. – И что делать? Нас ожидают похороны, а это всегда большие расходы. Негоже, чтобы моего единственного брата похоронили как попало.

– Может быть, кафедра, на которой он работал столько лет, соберет деньги? – предположила Лариса неуверенным голосом.

Милена махнула рукой:

– Как же, держи карман шире. Нет, пару тысяч они, может быть, и соберут, но этого хватит только на один венок.

Лариса захрустела пальцами.

– Ты тысячу раз права, Милена. Но что же мне делать? У меня совсем нет родственников. И богатых знакомых нет.

Золовка обняла ее.

– Мы с Вадиком поможем, – пообещала она, – хотя ты и не подумала о нас как о родственниках. Мы одолжим тебе деньги, а ты отдашь, когда они у тебя появятся.

– Но, наверное, нужно очень много, – произнесла Лариса.

– Это не твоя забота, достанем, – пообещала Милена. – Тебе позвонят, когда забирать тело? – Она споткнулась на последнем слове, – тело... Наверное, я до конца жизни не привыкну говорить о своем брате как о мертвом.

– Да, – проговорила Лариса. Милена кивнула и направилась в прихожую. Необходимость взять все в свои руки придала ей силы. Лариса послушно, как собачонка, бежала следом.

– Позвонишь. – Милена натянула босоножки и крикнула: – Ох, проклятый живот. Похудеть бы, да не получается. Последнее время Вадим предлагает мне застегивать босоножки, но я пока не позволяю. Нужно худеть. Ладно, давай. – Она порывисто обняла Ларису и поцеловала. – Жду звонка.

Закрыв за ней дверь, женщина снова вернулась в гостиную. Упоминание Милены о расходах вернуло ее к реальности. Что же получается? Потеряв Стаса, она осталась без средств к существованию. Завтра ей будет нечего есть, а

послезавтра... Как жить? На всем белом свете у нее были только Милена и Вадим, но у них, считай, она уже заняла довольно крупную сумму. Она знала, что сумма получится крупной: в последнее время в средствах массовой информации часто говорили о том, как дорого умирать. Но тогда об этом никто не думал. И в самом деле, зачем было думать? Они со Стасом молоды и здоровы. А получилось... Господи, деньги, деньги, везде деньги... В ближайшее время ей никак не отдать долг. Она ведь не работает... Завтра нужно будет пойти в ГОРОНО (или теперь эти отделы образования называются как-то по-новому? Ей давно не приходилось там бывать – не было нужды). Впрочем, какая разница, как они называются. Она пойдет и узнает, нужны ли учителя истории. Истории, которую она почти забыла. Когда-то учителей не хватало, но как обстоят дела теперь?

Лариса вскочила и заметалась по комнате, лихорадочно соображая, где лежит ее трудовая книжка. Педстаж Красовской был невелик – всего два года. Что, если школа не захочет приобрести тридцативосьмилетнего учителя, который работал пару лет? Трудовую книжку Лариса, конечно, не нашла. Несомненно, она валялась где-то на полке или на антресолях как ненужная вещь, но женщина не стала продолжать поиски. Она почувствовала, как на нее навалилась усталость, и тяжело опустилась на диван. Слегка кружилась голова. Иногда у Ларисы понижалось давление, и для того, чтобы взбодриться, она выпивала чашку кофе со сливками. Это следовало сделать и сейчас. Усилием воли женщина заставила себя встать и пойти на кухню. Она включила электрический чайник, достала банку кофе и открыла холодильник. Он был пуст. Хлебница на столе хранила сиротливый кусок сухого хлеба. Остатки сливок прокисли. Есть Ларисе не хотелось, но она подумала о том, что завтра, послезавтра, дня через три ей все равно захочется есть, а она не сможет купить себе даже хлеба. На даче оставались какие-то продукты: хлеб, колбаса, остатки жаркого, мешки с прошлогодней картошкой. Но этого тоже хватит ненадолго. Что же делать?

Не обращая внимания на шипение чайника, который возвещал о готовности, Лариса бросилась в комнату и открыла заветную лакированную шкатулку из какого-то восточного дерева. Стас привез ее из вьетнамской командировки. Она решила продать некоторые драгоценности. В свое время Стас подарил ей несколько золотых гарнитуров и колечек с бриллиантами, и от парочки можно было избавиться. Память памятью, но жить-то надо... Возможно, вырученных денег хватит до конца лета, а там она постарается устроиться на работу.

Но что это? Деревянная шкатулка, черная, с желтыми стеблями бамбука, вылетела из ее рук и, ударившись о пол, развалилась на две половины. Она была пуста, пуста, как новый финский холодильник на кухне. Стараясь унять дрожь, женщина подняла ее и еще раз все осмотрела, словно стараясь найти золото под ее обломками. Разумеется, нигде ничего не было.

Лариса почувствовала, как теряет сознание, и, стараясь удержать равновесие, схватилась за спинку кресла. Дней пять назад, еще до отъезда на дачу, она вытирала пыль и заглядывала внутрь шкатулки. Все лежало на месте – все до последнего колечка. Теперь драгоценности исчезли, и женщина ничего не понимала. Ключи от квартиры были только у нее и Стаса. Стас не брал. Она тоже. Домработницу они не держали. Остаются воры. Но дверной замок никто не взламывал, значит, дверь открыли родным ключом. Как такое могло случиться?

Она провела рукой по вспотевшему лбу и села в кресло. Злая судьба оставила ее совсем одну и без средств. Что же делать? Может быть, позвонить следователю? Он называл свою фамилию, кажется, Никитин. Имени она не помнила. И, кажется, он оставлял визитку.

Стараясь справиться с головокружением, Красовская вышла в прихожую и взяла сумочку. Визитка действительно оказалась там, на самом дне, рядом с футляром губной помады – маленький картонный прямоугольник. Лариса положила ее перед собой на стол и приготовилась набирать номер, но мобильный вдруг сам разразился мелодией Бетховена, не дожидаясь, пока хозяйка нажмет нужные цифры. Дисплей уведомил, что звонила Милена.

«Наверное, по поводу похоронной конторы», – подумала Лариса и не ошиблась. Золовка сразу затараторила:

– Милая моя, я нашла приличную похоронную компанию. Мне посоветовал Вадим. На днях его товарищ хоронил мать и дал ему все необходимые адреса. На улице Отрадной есть такая контора «Доверие». Ты что-нибудь слышала о ней?

– Ничего, – призналась Лариса.

– Неважно, – отмахнулась Милена и продолжила: – Ее рекомендуют приличные люди. Она работает с восьми часов, и я уже позвонила туда. Можем подъехать

прямо сейчас и выбрать гроб и венки.

– Я прошу тебя, давай не сегодня, – жалобно промолвила женщина. – Сегодня столько всего произошло.

Сестра Стаса обиженно засопела:

– Думаешь, мне легче? Я потеряла единственного брата. И теперь мой долг перед ним – как и твой, кстати, – достойно предать его земле. Я не принимаю никаких возражений и сейчас заеду за тобой. Потом мы отправимся в столовую «Красный мак». В ней еще со времен Советского Союза справляют поминки.

– Ладно, – согласилась Лариса. – Приезжай.

Глава 2

Синоп, II век до н. э.

Верный своему решению по возможности не спускать глаз с матери, Митридат украдкой наблюдал за ней, когда ему это удавалось. К сожалению, день мальчика, уже коронованного на царство, был расписан по минутам, и ему нечасто приходилось преследовать Лаодику. Впрочем, мать вела себя как всегда: следила за домом, занималась детьми, особенно болезненным братом, еще жившим на женской половине дворца. И лишь однажды он застал царицу, которая с вороватым взглядом, так не шедшим к ее красивому уверенному лицу, копошилась возле кубка отца. Валерия уже налила в него вина и выставила на маленький столик, готовя трапезную к ужину. О том, что Лаодика могла плеснуть туда что-то из коричневого сосуда, данного ей Мнасиреем, Митридат подумал позже, когда отец внезапно заболел и умер за считанные дни. Это показалось странным не только ему, и по дворцу поползли слухи, обвинявшие супругу царя в его смерти.

Он продолжал наблюдать за матерью, и ее громкие истерики и обильные слезы казались театральными. Публичная расправа с рабыней Валерией прямо на ступеньках дворца (Лаодика одним взмахом меча отрубила несчастной голову, и

та покатила по мраморным ступенькам, как мяч, подметая их иссиня-черными волосами) тоже не впечатлила. Так горюют уличные артисты, раскошеливая толпу, и получается у них лучше.

Но могла ли эта женщина действительно убить его отца? Человека, который любил ее, исполнял каждое желание? В это верилось и не верилось. Не прошло и недели после смерти Митридата Эвергета, как Лаодику окружили люди, ратовавшие за союз с римлянами. Когда подросток, напомнив о том, что он когда-нибудь займет место отца, укорил мать и ее окружение в почитании римлян, за завтраком ему поднесли вино, издававшее какой-то странный запах. Царевич сначала хотел посоветоваться с Тирибазом, но, перехватив пристальный взгляд матери и сестер и не решаясь показаться трусом, сделал хороший глоток и отставил кубок. Странное вино обожгло горло, каленым железом проникло в пищевод, и мальчик сполз с апоклинтра, корчась от нестерпимой боли. Царица равнодушно взирала на страдания сына, сестры оторопели, не зная, что делать, и лишь верный Тирибаз, схватив ребенка, понес его на воздух.

– Дайте воды, много воды! – прокричал он ошарашенным рабыням и, уложив несчастного Митридата под оливу, взял в свои руки его ледяные ладони. Ребенок тяжело дышал, глаза его затуманились.

– Митридат, Митридат, – приговаривал наставник, поглаживая его волосы. – Потерпи немного, сейчас, сейчас...

Рабыня принесла два глиняных сосуда, доверху наполненных водой, и Тирибаз, приподняв голову подростка, начал поить его. Митридат уже не чувствовал боли. Он погружался в мир цветных снов и спокойствия, однако громкий голос Тирибаза мешал ему.

– Не кричи. – Мальчику показалось, что он сказал эти слова громко, но наставник их не услышал. Он продолжал вопить «пей» и вливать воду в узкую щель рта. Митридат покорно осушил сосуды, сам удивляясь, как это у него получилось, и его вырвало прямо во дворе. Блаженное чувство безмятежного спокойствия отступило. Подросток почувствовал, как наставник поднял его и понес в покои.

– Отравить ребенка! – шептал он, и каждое слово больно отдавалось в воспаленном мозгу мальчика. – До чего дошли! Но мы вам не позволим это

сделать.

Митридат хотел спросить, кто же отравители, но язык, казавшийся тяжелым, мешал ему, глаза слипались. Он погрузился в сон, но не опасный, грозящий смертью, а дающий жизненные силы.

С этого дня Тирибаз не отходил от ребенка. Он лично проверял кушанья и питье мальчика, не спускал с него глаз, но однажды не пришел к нему в спальню ночью, и раб, убиравший помещение, сказал, что Тирибаза и еще нескольких преданных Митридату Эвергету людей бросили в темницу. У мальчика появился новый наставник, краснолицый пучеглазый македонец Амон, кичившийся перед царевичем своим искусством наездника.

– Как плохо учил тебя Тирибаз, – смеялся он, гарцуя на гнедом в белых яблоках коне. – Твой дед и отец седлали необъезженных лошадей, укрощали их, мчались на врагов и метали в них копья. А сможешь ли ты сделать то же самое?

Горячая кровь родственника Александра Македонского заиграла в жилах Митридаты. Да, он еще никогда такого не делал, Тирибаз хотел, чтобы воспитанник постепенно постигал азы верховой езды. Хорошо это или плохо – жизнь покажет. Его всегда учили чтить память предков, значит, он должен быть достойным их.

– Смогу, – бросил Митридат в лицо Амону, сразу невзлюбив его. – Ведите коня.

Новый наставник оскалился как-то злобно, недоброжелательно и вскоре привел молодого вороного жеребца, гладкого, необъезженного, с высокими тонкими ногами.

– Это Буцефал, – усмехнулся он в рыжие усы. – Мы прозвали его как коня твоего далекого предка, Александра Македонского. Гляди, какой красавец.

Конь и правда был красив. Он шумно дышал, широко раздувая ноздри, будто чувствуя чужака, который хочет посягнуть на его свободу. Он бил копытом о камень, и Митридату казалось, от камня во все стороны летели искры. Амон ловким движением накинул уздечку на стройную шею и повернулся к мальчику:

– Давай, царь, попробуй, покажи, на что способен.

Нехорошее предчувствие кольнуло сердце, выбило холодный пот, но подросток справился с волнением. Если он откажется, проявит хотя бы каплю трусости, этот мерзкий человек растрезвонит на весь дворец. Да что там дворец! Вся страна узнает, кто сядет на трон. Подойдя к коню, Митридат потрепал его по гладкой шее. Конь задышал еще шумнее, кося на незнакомца огромным, налитым кровью глазом. Подросток взял уздечку:

– Не бойся, – приговаривал он, делая круг. Буцефал спокойно шел за ним. Митридат сделал второй круг и, решив, что время настало, изловчился и запрыгнул на спину вороного и, стуча пятками по его бокам, протянул руку за дротиком. Но Амон не успел ничего подать своему господину. Жеребец громко заржал, будто протестуя, встал на задние ноги, дернулся всем стройным телом и скинул Митридата на землю. Мальчик потерял сознание, больно ударившись виском о небольшой земляной холмик.

* * *

Лаодика с распущенными черными волосами сидела в углу спальни, нервно крутя бусы из жемчуга. Любовное ложе на этот раз пустовало. Мнасителей, почесывая бороду, примостился в углу. В его черных узких глазах светилось торжество.

– Говорят, твой сын оч-чень плох после падения с лошади, – усмехнулся он. – Мальчишке надо быть поосторожнее. Какого черта он стал объезжать жеребца с норовом?

Его голос звучал фальшиво до предела, и Лаодика не выдержала:

– Разве твой сообщник не науськивал Митридата, чтобы он попробовал это сделать? Из-за вас я могу потерять сына!

Мнасителей оскалился, сразу став похожим на хищного вепря.

– А тебе этого очень не хочется?

Лаодика топнула ногой, обутой в изящную сандалию, ее щеки сделались пунцовыми:

– Как ты смеешь мне такое говорить? Я никогда не просила убивать своего сына! Завещание подделано, я опекунша всех детей. Лаодика-старшая скоро выйдет замуж, как хотел мой супруг. Больше мне ничего не нужно.

– Неужели? – Мнаситей подошел к ней и взял за руку, которую женщина тут же выдернула. – И тебе будто невдомек, что тебя ненавидит народ и большинство царедворцев, считая повинной в смерти мужа? Зачем ты приказала казнить его родню? Теперь персы спят и видят тот момент, когда на трон сядет Митридат. Если с ним ничего не случится, ты недолго поцарствуешь, обещаю. В Синопе вспыхнет восстание, и они сметут тебя.

Женщина скрестила руки на груди.

– Но что же делать? – спросила она, ни к кому не обращаясь. – Я не хочу быть причиной гибели сына. Он все же мой сын.

– Тогда он станет причиной твоей гибели, – заметил Мнаситей. – Известно ли тебе, дорогая госпожа: в бреду твой сыночек рассказывает, что видел, как ты убивала отца – подливала в вино яд из коричневого сосуда?

Царица подняла руками волосы, подстриженные до плеч:

– Но как он мог...

– Вероятно, следил за тобой, – усмехнулся Мнаситей. – Нужно быть осторожнее, моя дорогая. Теперь представляешь, какотреагирует общественность, когда слова Митридата станут ее достоянием?

Губы Лаодики, сочные, полные, шевельнулись:

– Врач расскажет... Если уже не рассказал...

– О враче я позабочусь, – успокоил ее Мнаситей. – Что же касается твоего сына... Дело уже сделано. Врач говорит, Митридат очень плох. Тирибаза нет рядом, и

мальчишке никто не оказывает помощь. Рабыни не носят ему еду и питье. Он не проживет и двух дней, вот увидишь.

Царица молчала. Ее синие глаза изучали прожилки на мраморном полу. Мнаситей почувствовал, что она понимает его правоту. Когда речь идет о власти, родственные связи не имеют значения.

* * *

Митридат в жару метался по влажной подушке, глотал пот, дышал его испарениями. Ему уже случалось болеть, и тогда рабыни протирали его тело холодной водой и благовониями. На этот раз он лежал в комнате уже четыре дня, и к нему подходил только один человек, врач, чтобы пощупать пульс. Митридат, находясь в полузабытии, понимал, что умирает, но звать на помощь не хватало сил, и он лишь обреченно стонал, ожидая вестника наступления смерти – крылатого бога Таната. Когда глубокой ночью кто-то приложил к его пересохшим губам чашу с холодной водой и обтер лоб, ему показалось, что Танат уже перенес в царство мертвых его душу, и теперь черед Харона, который никогда не отказывал просившим перевезти их через мрачные воды Стикса.

Харон склонился над ним, и Митридат собирался поблагодарить старика за его доброту.

– Спасибо, Харон.

– Ты пока в царстве живых, – слышался знакомый голос, и Тирибаз аккуратно взвалил на плечи обмякшее тело. – Теперь я с тобой, мне удалось бежать из заточения. Прошу тебя, мой господин, постарайся молчать. Во что бы то ни стало нам нужно покинуть дворец, иначе встреча с твоим отцом в царстве Аида не за горами.

Митридат улыбнулся, закрыл глаза и снова провалился в небытие. Его привели в себя капли дождя, бесцеремонно падавшие на лицо. Мальчик открыл глаза и увидел перед собой довольное смуглое лицо Тирибаза.

– О боги! – воскликнул царедворец. – Благодарим тебя за спасение нашего царя!

Ему вторили еще несколько голосов. В предутренней дождевой мгле подросток смог разглядеть царского виночерпия Моаферна и конюха Сисину, облаченных в панцири и шлемы.

– Дождь помог нам, – радостно провозгласил Моаферн. – Он остановит погоню.

Мужчины по очереди несли Митридата. Он понимал, что преданные ему и его покойному отцу люди стараются отойти от дворца как можно дальше и поэтому выбирают самые непроходимые горные тропы. Слыша человеческие голоса, они моментально бросались в укрытие.

– Сейчас мы ступаем по опасной территории, – пояснил Тирибаз. – Любой человек может выдать нас твоей матери.

Выбившись из сил, они остановились в просторной пещере, вход в которую надежно скрывали лозы и листья дикого винограда.

– Здесь пересидим дождь и двинемся дальше, – решил Моаферн. – А пока давайте поедим.

Митридата немного тошнило, болела голова, и он с отвращением посмотрел на кусочек овечьего сыра с хлебом:

– Не могу!

– Ты не ешь уже дней пять, насколько мне известно. – Тирибаз склонился над ним, его шрам от напряжения выглядел белее обычного. – Если и дальше так пойдет, ты умрешь. Это и нужно твоей матери и ее приближенным. Они сделают все, чтобы страна скатилась в пропасть. О господин! Я прошу тебя съесть хоть немного!

Услышав его слова, Митридат заскрежетал зубами. Вспомнилась мать и вероломное убийство отца, вспомнились и собственное отравление и падение с лошади. Разумеется, это было не случайно, за всем стояла она, женщина, которая произвела его на свет и теперь мечтала свести в могилу. Что ж, у нее ничего не получится. Собрав все силы, он зажмурился, надкусил кусок сыра и с усилием проглотил, запив ледяной ключевой водой.

– Ты настоящий герой! – восхитился Моаферн. – Твой отец гордился бы тобой!

* * *

Лаодика с убранными в прическу волосами и в белом хитоне восседала на троне. Ее синие глаза злобно сверкали на бледном лице. По правую руку царицы стоял евнух Гиетан, которому она доверяла, как отцу. Он знал все и обо всех и докладывал царице с особым рвением. Благодаря хитрому седобородому евнуху, презрительно относившемуся к женщинам, кроме одной, с плеч слетела не одна голова. Сегодня утром, выслушав печальную историю о побеге Митридата и о том, что он в курсе главной дворцовой тайны, Гиетан сморщил и без того морщинистый, как у обезьяны, лоб.

– Все это печально, госпожа, – прошамкал он, демонстрируя недостаток зубов. – И посему я могу посоветовать лишь одно – разделаться с Митридатом. В противном случае вы рискуете своей жизнью. Вам известно, что есть много способов лишиться жизни. Вы можете нанять охрану, которая будет ночевать в ваших покоях, но вашим врагам ничего не стоит подкупить одного стражника. Мне жаль вас, госпожа. Вы так молоды и прекрасны! И вы хорошо управляете страной!

Лаодика сжала маленькие кулачки:

– Что же делать, Гиетан? Ты один можешь подсказать мне дельный совет.

– Этот совет давал тебе и твой любовник Мнаситей, – усмехнулся старик. – Лиши Митридата жизни, и тебе больше ничто не будет угрожать.

– Но где его искать? – Царица уже не волновалась, она потихоньку привыкала к мысли, что старший сын хочет ее смерти и будет всячески стремиться к этому. А если так, какое значение имеют родственные связи, даже и такие близкие!

– Вызови придворных, пригрози им, установи короткие сроки – и они перероят землю, но принесут на копье голову твоего сына, – посоветовал евнух. – Конечно, не забудь пообещать награду тому, кто это сделает. Уверю тебя, не пройдет и недели, как они исполнят твое приказание. Тирибаз со своими дружками и Митридатом не могли далеко уйти. Не забывай, что твой сын находился при

смерти.

Лаодика приподняла насурьмленные брови-подковки. В ее улыбке светилось торжество:

– О, как ты прав, Гиетан! – похвалила она евнуха. – О, как ты прав! Распорядись, чтобы сюда пришли все вельможи.

Гиетан низко склонился перед госпожой:

– Слушаю и повинуюсь. Они примчатся к тебе, как ветер. Что может быть быстрее ветра?

«Только человеческая мысль», – вспомнила Лаодика слова какого-то мудреца и поправила прическу, придавая лицу суровое выражение.

Придворные относились к евнуху, как к ней: больше боялись, чем уважали. Вот почему она не сомневалась, что вскоре тронный зал наполнится людьми, которые убеждали ее в своей преданности. И действительно, не прошло и пяти минут, как в зал вбежал вельможа, перс Багофан, верховный надзиратель за всеми чиновниками и государственной канцелярией, бледный, не выспавшийся, вытирая пот с красного лица. После гибели Митридата Эвергета он пугался царских приглашений: от Лаодики можно было ожидать чего угодно. Боявшаяся собственной тени, она без зазрения совести казнила тех, кого считала своими врагами. Подойдя к трону, он согнулся так низко, что его борода коснулась мраморного пола.

«О боги, если бы низкий поклон доказывал преданность!» – подумал перс, боясь распрямиться. Следом за ним подтягивались и другие: секретарь царицы грек Дионисий, начальник телохранителей Мнаситей и гаушака, что значит подслушивающий, армянин Гергис.

Просторный зал, будто копыя, изрезали тонкие солнечные лучи, начищенный рабами мрамор сверкал первозданной белизной. Золотом отдавали медные фигурки животных и птиц, украшавшие ажурные стены. Царица обвела всех, кто постоянно клялся ей в преданности, насмешливым взглядом. По этикету евнух должен был заговорить первым, но она, как только Гиетан открыл рот, подняла руку с тяжелыми перстнями, приказывая ему замолчать.

– Я пригласила вас, всегда утверждавших, что служите мне верой и правдой, чтобы на деле проверить это. – Синие, как море на глубине, глаза Лаодики сверлили всех, пытаясь проникнуть в мысли каждого. – Настало время доказать. Вы готовы?

Теперь все склонились перед ней. Гергис, страдавший болями в спине, тихо застонал, и ей стало смешно. Как все-таки хорошо властвовать над людьми, чувствовать себя богиней! Этому сосунку Митридату не удастся лишить ее удовольствия.

– Ваши коленопреклоненные позы подтверждают, что готовы, – удовлетворенно сказала она. – Что ж, давайте обсудим детали. Как известно, моего сына Митридата похитили. Да, да, именно похитили, и мне, как, думаю, и вам, известно, для чего. Предатели, возглавляемые Тирибазом, пытаются внушить Митридату, что я его враг и меня нужно убить. Боги видят, что я не желала его смерти. – Это была откровенная ложь, и Лаодика, поморщившись, ожидала, что ее ударит молния всевидящего громовержца, но этого не произошло. – Да, я не желала его смерти, – продолжала царица, – но он со своими наставниками желает моей.

Мужчины слушали ее очень внимательно, Мнаситель подбадривал любовницу взглядом, пощипывая смоляную бороду. Гергис демонстрировал угодливую улыбку, Дионисий щурил серые глаза, поглядывая на тяжелые парчовые занавеси.

– Я не могу этого допустить. – Царица вздохнула, будто бы сожалея о том, что случилось. – Но оставить все как есть тоже не могу. Избавившись от меня, Митридат сядет на трон, и его опекунами станут люди, присутствие которых нежелательно не только во дворце, но и в стране. Они не приемлют никаких договоренностей с римлянами, а это приведет к тому, что самое сильное в мире войско уничтожит нашу страну. Может быть, – она обвела взглядом присутствующих, – кто-то считает иначе?

На миг воцарилось молчание, которое нарушил Мнаситель.

– Ты права, госпожа, – подал голос чернобородый страж. – Кроме того, гибелью царицы все не закончится. Я знаю Моаферна и Тирибаза, они хорошие воины и просто так не сдадутся. Голову даю на отсечение, что, достигнув земель своих

союзников, преданных Митридату Эвергету, они соберут неплохое войско, которое попытается захватить дворец. Разумеется, все это надо предотвратить как можно раньше.

– Мы уже поняли, что нам нужно найти и убить Митридата и его троих наставников, – вставил Дионисий.

Лаодика царственно кивнула. Ее длинная белая шея вызывала восхищение мужчин.

– Тот, кто первым сообщит мне о гибели моего сына, получит кусок золота с голову его коня, – пообещала она. – Даю вам неделю сроку. Если же через неделю вы не принесете мне хорошие вести, я казню одного из близких вам людей. У тебя две любимые дочери-красавицы, Багофан? – обратилась она к знатному персу. – Что, если одна случайно утонет в море? Или упадет с кручи? Мне известно, что она любит гулять в этих местах.

Полное коричневое лицо верховного надзирателя побледнело, посерело, руки задрожали противной трусливой дрожью, вышибающей холодный пот. Он знал: Лаодика не бросает слов на ветер. Когда-то Митридат Эвергет хотел выдать одну из его дочерей-красавиц за своего младшего сына, но с его смертью об этом уже никто не упоминал.

Гордый перс преклонил колени перед царицей, казавшейся на троне каменным мраморным изваянием.

– Я сделаю так, как ты хочешь, госпожа.

Грек Дионисий тоже выступил вперед:

– У нас достаточно обученных воинов, царица. Стоит только приказать – и они, как зерна, рассыплются по всей Малой Азии. И им помогут. Митридат и его наставники не пройдут незамеченными, как бы они ни старались. Им надо что-то есть, порой захочется хорошего вина. Придется обращаться к земледельцам, а уж их мы сумеем разговорить. Проблемы будут разве что в Каппадокии, ваша старшая дочь несколько дней замужем за царем этой страны. Нам известно, что с ней у Митридата всегда были хорошие отношения. Она может его спрятать. Вот тогда нашим воинам будет трудно отыскать вашего сына.

Лаодика закусила губу, из которой выкатилась капля крови.

– Вы сами говорили: нет ничего невозможного, – она словно выплюнула в лицо Дионисию эти слова. – Ты грек, а греки славятся умом и хитростью. Вот и придумай что-нибудь.

Дионисий качнул головой:

– Митридат может запросто пообещать своему родственнику земли, когда станет царем. От такого щедрого подарка еще никто не отказывался.

– Я тоже могу пообещать своему зятю много чего, и прежде всего не влезать в его дела с римлянами, – буркнула Лаодика.

Царицу начинал тяготить этот разговор. И это преданные ей царедворцы? Они самые настоящие бездельники и трусы, которые не в силах решить простой вопрос.

– Но всем будет лучше, если вы поймаете их раньше, – прошипела она, как озлобленная кобра. – Иначе у палача будет много работы.

Гергис силился что-то сказать, но она властно махнула рукой, задев опахальщика, усердно освежавшего воздух опахалом из страусовых перьев.

– У вас неделя, – добавила Лаодика и прикрыла глаза длинными черными ресницами. – Идите, я устала.

Когда царедворцы покинули тронный зал, царица подставила лицо солнечным лучам, прорывавшимся сквозь щели в занавесах из золотой парчи. Медные львы и грифоны равнодушно взирали на нее с мраморных стен. Позолоченные капители колонн сверкали золотыми отблесками. Раньше эта роскошь казалась ей тяжеловесной, но за долгие годы она привыкла к ней и не хотела ни с кем ею делиться. Если эти трусы не выполняют приказ, Митридат отомстит за отца. В лучшем случае он отправит ее в изгнание, но это в лучшем случае. Кровь смывается только кровью – разве не этому учили своих детей она и ее супруг? Нет, возвращение старшего сына грозит ей смертью. Вот почему он должен умереть раньше нее.

Отпустив евнуха, Лаодика вышла в сад, но свежий морской воздух не принес успокоения. Только когда Гиетан сообщил, что доблестные воины выехали на поиски отряда Митридата и обыщут все труднодоступные горные тропы, царица немного успокоилась и, позвав служанку, попросила принести стакан хорошего вина из погребов дворца.

Дивноморск, 2017

Милена примчалась на своем маленьком подержанном красном «Фольксвагене» через пятнадцать минут. Таща за руку безучастную Ларису, она приговаривала:

– Мы едем исполнять свой долг.

Женщина позволила усадить себя на переднее сиденье и, когда Милена завела двигатель, проговорила:

– Милена, у меня пропали драгоценности.

Сестра Стаса так резко обернулась к ней, что что-то хрустнуло в ее шее:

– Как пропали?

– Они всегда лежали в шкатулке на полке шкафа, – пояснила Лариса. – Ну ты видела эту вьетнамскую шкатулку... Сегодня я их там не нашла.

Милена вцепилась руками в руль и чуть не заехала на бордюр.

– Вот так номер, – произнесла она. – Куда же они делись?

– Я собиралась позвонить следователю, который сообщил мне о гибели Стаса, – сказала Лариса. – Он оставил мне свою визитку.

– Ну и зря, – буркнула Милена. – Отвлекать его по пустякам. Наверняка ты сама подевала куда-то свои цацки.

– Неправда, – сквозь зубы произнесла родственница. – Я хорошо помню, что видела их дней пять назад. Они лежали в шкатулке. Ну черной, с желтыми стеблями бамбука. Они всегда лежали только там.

Милена пожала полными плечами, заколыхавшимися под рукавами зеленого летнего платья:

– Выходит, их взял твой муж, раз признаки ограбления отсутствуют. Значит, они зачем-то понадобились Стасу.

Лариса нервно провела рукой по медным волосам:

– Зачем Стасу мои драгоценности? И потом, он обязательно посоветовался бы со мной, если бы у него возникло такое желание.

– Твой муж – коллекционер, – парировала Милена. – Ему могли понадобиться деньги на приобретение очередного артефакта. Допустим, наличных не хватило. Пришлось заложить твои цацки.

Лариса откинулась на спинку кресла и задумалась. В словах Милены не было ничего удивительного. Да, Стас часто покупал антиквариат, но всегда рассказывал ей о будущей покупке и о сумме, которую собирался потратить. Суммы были небольшие, во всяком случае, далеко не такие, чтобы потерять покой и сон. Может быть, на этот раз что-то помешало ему пооткровенничать с женой? Однако это предположение ничего не меняло. Драгоценностей не было, и это означало, что в ближайшее время она останется без денег. Совсем.

– Как я буду жить, Милена? – тихо спросила Лариса. – Я ведь хотела продать драгоценности.

– Да поняла я, – махнула рукой сестра Стаса. – Только ты не волнуйся. На первое время мы тебе одолжим.

Лариса покачала головой.

– Больше я не возьму у вас ни копейки, – решительно заявила она. – Вы взяли на себя оплату похорон. Неужели я стану жить за ваш счет? Как только все

закончится, – тут ее голос предательски сорвался, и она всхлипнула, но мужественно продолжила: – Как только все закончится, я устроюсь на работу. Хотелось бы в школу, но даже не знаю, возьмут ли меня туда. Да и до первого сентября долго. Если понадобится – пойду мыть полы.

– Ты и полы, – фыркнула Милена. – Не сочиняй! Что-нибудь придумаем. Слушай, ведь ты можешь продать коллекцию Стаса. – Женщина хлопнула себя по толстому колену. – Как мы сразу не догадались!

Лариса сжала кулаки. Все в ней закипело от негодования.

– Ни за что!

– Зачем она тебе? – удивилась родственница. – Ты ведь никогда не проявляла к ней интерес. Продай, иначе антиквариат сгниет на вашей даче.

– Ни за что, – повторила Лариса. – Я создам музей Стаса.

– О'кей, – сдалась Милена. – Как пожелаешь. – Она подрулила к двухэтажному коттеджу с полукруглыми окнами. – Все, приехали.

Женщины вышли из машины и направились к дубовой лакированной двери. Навстречу предупредительно выскочил маленький, похожий на японца вертлявый мужчина с желтым лицом, облаченный, несмотря на жару, в выглаженную, без морщин, белую рубашку с длинным рукавом и черные брюки, и, растянув в улыбке тонкие губы, отчего его лицо сразу же покрылось сеткой мелких морщин, прошепел:

– Это вы мне звонили? Рад приветствовать в нашей фирме. – Он взял Ларису за руку и слегка кивнул Милене: – Пойдемте со мной.

Его рука была холодна как лед, и Красовская некстати подумала, что менеджер, долго работающий в похоронной конторе, сам стал чем-то походить на своих неживых клиентов.

В выставочном зале приторно пахло цветами и деревом. Тяжелые темно-синие портьеры мешали лучам солнца проникнуть в комнату и хоть немного оживить

ее. Увидев гробы, Лариса покачнулась и чуть не упала. Вертлявый человечек едва успел прийти на помощь.

– Сядьте. – Он придвинул к ней стул, и женщина послушно опустилась на него. – Принести воды?

Лариса покачала головой:

– Спасибо, не нужно. Сейчас все пройдет.

Мужчина угодливо склонился:

– Как пожелаете.

Откинувшись на спинку стула, Красовская закрыла глаза. Она слышала, как Милена ходила по залу и справлялась о цене, и сколько ни говорила себе, что надо встать и подойти к родственнице хотя бы ради приличия, никак не могла себя заставить. Наконец усилием воли она подняла отяжелевшее тело и зашагала к Милене. Та рассматривала гроб, обитый малиновым атласом.

– Как тебе этот?

Ларисе он показался чересчур вычурным, не для профессора-историка (кроме того, Стас терпеть не мог малиновый цвет), и она хотела сказать об этом, но приступ тошноты согнул ее вдвое. Тяжелый запах цветов и еще какого-то вещества будто впитывался, всасывался в плоть и кровь. И, конечно, волнение...

– Бедненькая моя, – засуетилась родственница, – тебе нужно на воздух. Давай вернемся домой, а завтра снова приедем сюда.

Лариса замотала головой:

– Нет, нет, прошу тебя. Мы никогда больше сюда не вернемся. Лучше скорее покончим с этим. Берем такой же, но не малиновый.

– Хорошо, хорошо, – сразу согласилась Милена. – Иди к машине. Я сама обо всем договорюсь.

Лариса послушно отправилась к сиротливо стоявшему в тени автомобиля, осыпанному опавшими цветками акации. В висках стучало, лоб покрылся холодным потом.

«Неужели это все происходит со мной? – печально думала она. – Неужели через три дня мы закопаем Стаса в землю, и я останусь совсем одна?»

Она открыла дверцу машины и с трудом залезла на переднее сиденье. Милена подросла через десять минут.

– Я все купила, – сообщила она, грузно усаживаясь за руль. – Неприятное это занятие, скажу я тебе. Но его не избежать.

– Да. Это верно, – поддакнула Лариса. Родственница повернула ключ в замке зажигания.

– Отвезу тебя домой и поеду в церковь, – сказала она. – Стас не был слишком религиозным, но храмы посещал. Да и вообще в наше время это принято – отпевать покойника.

– Да, – снова кивнула Лариса. Милена покосилась на нее и ничего не ответила. Так в молчании они доехали до дома.

– Подниматься к тебе я не стану, – произнесла сестра Стаса. – Умаялась. Поеду к муженьку любимому. – Она нагнулась и поцеловала невестку. – Крепись, дорогая. Созвонимся.

Лариса крепко обняла единственную родственницу и побежала домой. Тишина в квартире пугала, она надеялась, что Милена окликнет ее и предложит побыть с ней, но этого не произошло. Бедняжка и так слишком много для нее сделала.

На негнущихся ногах Лариса подошла к двери, открыла ее и ввалилась в пыльный полумрак и удушающую тишину, которую неожиданно пререзал звук городского телефона. Лариса скривилась – не хотелось ни с кем разговаривать, но подошла к аппарату и сняла трубку:

– Алло?

На том конце провода кто-то прерывисто дышал, и у нее перехватило горло. Дыхание незнакомца было с хрипотцой, так дышал аллергик Стас, когда в Дивноморске зацветала амброзия.

– Стас! – крикнула она в трубку, сознавая, что это бред, что она выдает желаемое за действительное. – Стас, это ты? Ты не погиб, правда?

Незнакомец продолжал прерывисто дышать, ничего не отвечая, а потом в ухо бедной женщине неожиданно ударили короткие гудки. Бросив трубку на рычаг, Лариса схватила сумку и, достав мобильный, принялась лихорадочно набирать номер Милены.

– Слушаю тебя, дорогая, – сразу откликнулась родственница. – Что случилось?

– Мне сейчас звонил Стас, Мила, – бросила женщина. – Он не умер. Он жив, понимаешь?

Золовка крякнула, как недовольная утка, прежде чем ответить.

– Ты не помешалась, дорогая?

– Нет, – горячо объясняла Лариса. – Я понимаю, что это звучит глупо, но он звонил.

Милене словно передалось ее волнение:

– И что сказал? Что он сказал?

– Ничего, – прошептала Лариса.

– Ни единого слова?

– Да.

Услышав ее ответ, Милена вздохнула:

– Так я и думала. Ты переутомила. Выпей что-нибудь успокаивающее и ложись спать. Сегодня был ужасный день. И этот ужас еще не закончился.

– Милена, я вполне адекватна, – проговорила женщина. – Да, звонивший не сказал ни слова, но он дышал, и это было дыхание моего мужа, с которым я прожила более десяти лет. Я отдаю себе отчет, слышишь?

– Ладно, – смягчилась Милена. – И что ты предлагаешь?

Лариса сразу обмякла:

– Не знаю. Может быть, позвонить следователю? Сейчас же проводят всякие анализы ДНК. У меня масса вещей, где остались биологические следы Стаса.

– Милая, не говори ерунды, – осадила ее Милена. – Если бы Стас был жив, клянусь тебе, он не дышал бы в трубку, а позвонил бы тебе или мне и рассказал, что с ним приключилось. Он не преступник, чтобы скрываться и глупо дышать в телефон. Да если бы ему и пришлось скрываться, он все равно дал бы нам знать, что жив и здоров. И тебе это прекрасно известно. Стас терпеть не мог какую-либо мистику. Так что никуда звонить не нужно. Нас поднимут на смех. Какой-то идиот разыгрывает тебя, а ты со своими расшатавшимися нервами принимаешь все за чистую монету.

– А если с ним случилось что-то из ряда вон выходящее? – не сдавалась Лариса.

– Тогда он объявится в ближайшие часы, – заверила ее Милена. – До похорон у нас еще два дня. Милая, – произнесла она гораздо мягче. – Ну послушай моего совета. Сейчас тебе требуются ванна и мягкая постель.

– Ты считаешь, я смогу уснуть? – спросила Лариса со смешком. – После всего, что сегодня было?

– Постарайся – и все получится, – заверила ее Милена. – Ну все, целую. Пока.

Она прекратила разговор, и Лариса, бросив трубку, одетая легла на диван. Она думала, ей не удастся заснуть, но усталость взяла свое, и через несколько минут женщина уже спала. Но сон ее был тревожным.

Глава 3

Каппадокия, 113 г. до н. э.

Вопреки желанию царицы и ее преданных вельмож, маленький отряд Митридата, преодолевая горы, быстрые горные речонки, грозившие унести их в неведомые дали, леса, покрывавшие склоны, такие густые, что приходилось пробивать дорогу мечом, вышел к каппадокийским селениям первым. Теперь можно было не скрываться, без стеснения просить хлеб и сыр и даже вино, и добрые землепашцы делились с беглецами порой даже последним. На обширных полянах с сочной зеленой травой Тирибаз решил возобновить занятия с воспитанником.

– Ты еще не забыл искусство верховой езды? – спросил он, весело глядя на мальчика, жадно пившего парное молоко. Митридат замотал головой. Над его верхней губой образовались белые усы, и он вытер их ладонью.

– Давай посмотрим. – Тирибаз отозвал в сторонку крестьянина, сунул ему в руку золотую монету, и вскоре мужчина привел гнедого коня, ухоженного и красивого. – Садись, покажи, на что способен. – Наставник не успел окончить фразу, как Митридат запрыгнул на спину коня и погнал его по полю.

Он сидел в седле как влитой, конь слушался каждого движения мальчика, и Тирибаз похвалил воспитанника:

– Неплохо, очень неплохо.

Митридат спрыгнул с коня и дотронулся до плеча наставника. Его лицо погрузнело.

– Я так не считаю, Тирибаз, – проговорил он и отвернулся. – Мне сказывали, будто Александр Македонский умел скакать на необъезженных лошадях и еще метать копья во врагов.

– И ты этому обязательно научишься, как только мы окажемся в спокойном месте, – пообещал Тирибаз. – Кроме того, тебе нужно научиться еще кое-чему. – Он поманил к себе Сисину, любезничавшего с молодой крестьянкой.

– Все знают, что ты разбираешься в травах, – начал он. – Ты можешь найти как яд, так и противоядие. Митридат – наш будущий царь, и я уверен, что, кроме его матери, найдутся многие, желающие убить его. С сегодняшнего дня он должен принимать снадобья, чтобы сделаться неуязвимым для яда.

Сисина поклонился Митридату, и мальчику стало неловко. Тирибаз похлопал его по плечу:

– Ты будущий царь, привыкай к поклонению. И думай о том, что твоя жизнь принадлежит не только тебе, но и твоему народу.

Сисина взял Митридата за руку, и они, миновав поле, вошли в негустой лесок. Тонкие ветви деревьев со свернувшимися в трубочку от жары листочками сплетались над их головами, образуя полупрозрачную арку, словно высеченную на аквамаринном небе. Вельможа сорвал цветок с желтыми лепесточками, потом другой, третий. Он говорил, как они называются, заставляя Митридата все запоминать, учил отличать ядовитые растения от неядовитых, знакомил с противоядиями, снова экзаменуя своего воспитанника и поражаясь его уникальной памяти. Мальчик все ловил на лету. Потом Сисина измельчил на ладони какой-то сухой корень, размешал порошок в слюне и дал Митридату:

– Проглоти, не бойся.

Мальчик и не боялся. Он всецело доверял людям, спасавшим его жизнь. Сисина улыбнулся, показав большие желтоватые зубы:

– Вот увидишь, с тобой ничего не случится. Я дал тебе микроскопическую дозу яда. Если принимать яд в таком количестве, можно сделаться неуязвимым. И тогда... Тогда ты будешь обречен на долгое царствование.

Когда они вернулись к своим, Тирибаз уже приготовил ужин, состоявший из овечьего сыра, жаренной на костре баранины и пресных лепешек. Насытившись, они легли под открытым небом на овечьи шкуры, и Митридат подумал, что такая походная жизнь ему начинает нравиться. Это хорошо. Жизнь царей протекает в

основном в походах.

– Давайте останемся здесь, – прошептал он. – Будем жить среди пастухов, питаться дарами природы. Ты сказал, Тирибаз, что здесь нам ничто не угрожает. К тому же моя сестра уже вышла за царя Каппадокии. Я могу попросить у нее убежища, она не откажет. У нас с Лаодикой всегда были хорошие отношения.

Наставник усмехнулся его наивности.

– Завтра мы отправимся в путь, – твердо сказал он, – и ты кое-что узнаешь. А сейчас спи. Нам предстоит долгий и опасный переход.

* * *

Лишь только заря окрасила горизонт в розовый цвет, они снова пустились в путь. Скалы становились все неприступнее, и Тирибаз сказал, что они в горах Армянского Тавра.

– Когда мы перевалим через хребет, в какую страну попадем? – спросил Митридат сонным голосом и зевнул.

– В Каппадокию, – отозвался Моаферн. Юноша открыл рот, заморгал:

– Как в Каппадокию?

– Я обещал тебе рассказать, почему мы не можем найти твою сестру, – начал Тирибаз, осторожно ступая на пахнущую грибами прелую листву. – Видишь ли, эта страна как бы разделена на две части высокими горами. Так вот, одна ее часть, которую мы только что покинули, дружит с нами, а вторая – с римлянами. Твой дед пытался захватить Каппадокию и полностью подчинить понтийскому царству, но римляне не позволили.

Митридат топнул ногой, обутой в сандалию. Испуганная ворона, громко каркая, полетела в сторону хребта.

– Римляне, римляне, вечно эти римляне, – буркнул будущий властитель и выпрямился. Золотистые волосы его сияли на солнце, голубые глаза метали молнии. Он напоминал греческого бога, и его наставникам захотелось пасть ниц и целовать его обувь. – Когда я стану царем, Рим подчинится мне.

Дивноморск, 2017

Находясь в каком-то полусонном, полуобморочном состоянии, Лариса потерялась во времени и только благодаря Милене понимала, что происходит вокруг. В положенный срок они поехали в морг на катафалке, привезли туда лучший костюм Стаса, сунули несколько скомканных сторублевок растрепанной седой женщине в белом халате, которая долго и добросовестно приводила в порядок неузнаваемое, истерзанное, лежавшее на каталке тело, которое потом при помощи санитаров уложили в гроб.

– Крышку снимать не будем, – решила Милена. – Ты обратила внимание на его лицо? Ни одному гримеру не удастся привести его в порядок. Согласна?

Лариса опустила плечи:

– Согласна. Только все это как-то не по-людски.

– Как раз по-людски – пусть запомнят его живым. – Милена кивнула санитарам, и они потащили гроб к автобусу. – Хорошо, мать умерла раньше... Ума не приложу, как бы я ей об этом сказала, будь она жива.

Полный, рыхлый мужчина с двойным трясущимся подбородком, большими ушами и прилизанными темными волосами вышел из автобуса и направился к женщинам.

– Вадик, я распорядилась, чтобы крышку гроба не снимали, – сообщила ему жена. – Ты бы видел его лицо! Хотя это и лицом назвать нельзя...

Вадим всегда вел себя с супругой, как послушная дрессированная собачонка.

– Конечно, дорогая, – кивнул он, принимая подобострастный вид. – Ты, как всегда, права.

– Тогда в церковь. – Милена грузно поднялась по ступенькам в салон автобуса и опустила на переднее сиденье. – Первый рубеж нами взят. Это едва ли не самое неприятное, – она повернулась к Ларисе, скромно примостившейся сзади. – Ты как?

Лариса устало прикрыла глаза:

– В норме.

– Молодец. – Она словно приросла к окну и до самой церкви не проронила ни слова.

Когда они подъехали к храму Покрова Пресвятой Богородицы, большому, внушительному, с огромными золотыми куполами, Лариса увидела толпу народа и узнала многих знакомых. На отпевание пришел весь факультет. Преподаватели и студенты жались к ограде, держа в руках четное число малиновых гвоздик – все как один. «Неужели неподалеку продавали только малиновые? Он такие не любил», – подумала Лариса, как ей показалось, не к месту. Женщина попыталась встать, но ноги не слушались, и лишь энергичные движения Милены, которая буквально вытащила ее из автобуса, немного привели ее в чувство.

К ним сразу же подбежали коллеги Стаса, громко и тихо выражавшие соболезнование, а работники фирмы «Доверие» уже вытаскивали гроб. Лариса почувствовала, как кто-то сжал ее руку, сжал сильно, словно передавая эту силу измученной женщине. Оглянувшись, она увидела однокурсника Стаса, которого знала давно, еще до женитьбы. Геннадий Быстров был первым, с кем будущий муж ее познакомил. Высокий, худой, уже до черноты загорелый, с орлиным носом и зелеными глазами с крапинками. Тогда он любил Блока и знал наизусть почти все его произведения, цитируя к месту и ни к месту. А сейчас... Внешне почти не изменился, только на переносице залегли две глубокие складки.

– Здравствуй, – шепнул он ей на ухо. – Прими мои соболезнования, если они тебя могут утешить. Мне кажется, в такие дни вообще не нужно ничего говорить.

– Верно, – слабо отозвалась Лариса.

Он молча повел ее в церковь, стараясь не отставать от Милены.

– Всегда поражался ее энергии. Прекрасно держится.

– Она потеряла брата, а я потеряла все, – произнесла Лариса так печально, что у Геннадия сжалось сердце.

– Ты хочешь сказать, что осталась без средств к существованию?

– Да, – призналась женщина. – Деньги мне муж не оставил. Не знаю, почему так получилось. Наверное, собирался покупать какой-то артефакт. Я рассчитывала на драгоценности. Стас часто дарил мне кольца и серьги, когда ему давали премию. Но теперь и этот источник иссяк. Драгоценности пропали.

– Как пропали? – удивился Геннадий. – Тебя обокрали?

Лариса покачала головой:

– В том-то и дело, что нет. Просто пропали – и все.

Друг мужа собирался еще что-то спросить, но Милена так взглянула на него, что он осекся, подвел Ларису к гробу, который поставили на скамью, и послушно встал рядом с ней. Маленький полноватый блондинистый батюшка начал отпевание. Лариса стояла, покачиваясь, и, лишь чувствуя надежное плечо Геннадия, героически выстояла до конца и не упала. Минут через пять после начала он снова взял ее за руку и уже не отпускал. Когда все закончилось, Милена дала знак следовать в автобус. Геннадий примостился рядом с Ларисой.

– Я обратил внимание на гроб, – сказал он. – Довольно дорогой, должен я заметить. Откуда же ты взяла деньги?

– Гроб, отпевание и поминки оплатила Милена, – призналась женщина. – Разумеется, она дала мне в долг. Когда-нибудь деньги придется отдавать.

Геннадий почесал затылок:

– Понимаю. Так куда же делись драгоценности? У тебя есть какие-нибудь предположения?

Лариса пожала плечами:

– Никаких. Дверь не взламывали, в квартире нет следов посторонних. Просто пустая шкатулка – вот и все.

– А ты уверена, что они были именно в шкатулке? – засомневался Геннадий.

– Уверена, – подтвердила Лариса. – Накануне я заглядывала в нее.

Мужчина клацнул зубами:

– Да, возможно, Милена права. Стас мог присмотреть какой-нибудь антиквариат. Кстати, что собираешься делать с его коллекцией? Ты ведь можешь продать ее и какое-то время жить безбедно.

– Еще пару дней назад я хотела создать музей Стаса, – призналась женщина. – А теперь вижу, что мне придется расстаться с его коллекцией, чтобы не умереть с голоду. Разумеется, я устроюсь на работу, но когда это будет? Мне нужно что-то есть, пить, во что-то одеваться, наконец. Хотя за нее много не дадут, думаю, три месяца протяну. Как ты считаешь?

Геннадий вскинул брови:

– Три месяца, ты говоришь? Да тебе хватит на несколько десятков лет. Стас что, не говорил тебе, сколько стоят эти вещи?

– Почему же, говорил, – протянула женщина, дотронувшись до медных волос. – Самая дорогая, если я не ошибаюсь, тянула на шестьдесят тысяч рублей.

Геннадий расхохотался.

– Самая дешевая, ты хочешь сказать, – усмехнулся он.

– Самая дешевая? – Лариса прикрыла рот рукой. – Этого не может быть. Стас не имел миллионов.

Геннадий смутился.

– Возможно, ты многого не знала, – произнес он доверительно, – но твой муж был денежным человеком. В девяностые мы с ним открыли бизнес – маленький магазинчик, челночили, накопили достаточно, а потом продали магазин и вернулись в вуз. Что ни говори, а это – наше призвание.

Вырученные деньги Стас вкладывал в артефакты. Не спору, в коллекции были дешевые вещи, которые он покупал для того, чтобы показывать студентам на занятиях. Но были и дорогие. – Он собирался еще что-то добавить, но автобус уже притормозил у свежерытой могилы, и Милена снова взяла все в свои руки. Как только на крышку гроба полетели комья земли, Лариса почувствовала облегчение. Она где-то читала, что покойнику становится легче, как только его предают земле, и тогда он словно отпускает своих родных, которые до этого момента не находят себе места. Она не сразу заметила худенького маленького пожилого мужчину, доброжелательно улыбнувшегося ей:

– Ваш муж как пушинка. Гроб будто пустой грузили. Земля ему пухом.

Старика оттеснила Милена.

– Вот и третий этап прошли, – шепнула она Ларисе, снова зазывая всех в автобус, и перекрестилась. – Да будет земля ему пухом.

Красовская снова оказалась рядом с Геннадием, и он продолжил разговор:

– Ты говорила, что осталась без средств к существованию. Хочешь, я приобрету у тебя кое-что из коллекции?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Кое-какие вещи я бы оставила себе как память о муже. Они были дороги ему – значит, будут дороги и мне.

– Понимаю. – Мужчина наклонил голову. – Я мог бы приобрести у тебя самые дешевые вещи и дать тебе за них тысяч шестьдесят. Поверь, это очень хорошая сумма. Средняя зарплата учителя – двадцать тысяч. Будешь экономной – хватит месяца на три. А потом устроишься на работу. Впрочем, может, дам больше. Тебе еще отдавать долг.

– Не знаю, – повторила Лариса. – Мне нужно подумать и прицениться.

Он взял ее за руку и заглянул в глаза. От его взгляда ей стало не по себе. Он смотрел на нее не как друг, а как влюбленный мужчина. Когда-то она слышала от Стаса, что Геннадий влюбился в нее с первого взгляда, найдя какое-то сходство с блоковской «Незнакомкой», но лишь смеялась над этим. Теперь женщина подумала, что в словах мужа была доля истины.

– Что ты на меня так смотришь? – поинтересовалась она, отводя глаза.

– Лариса, ни один человек на земле не даст тебе больше моего, – проникновенно начал Геннадий. – Знаешь почему? Потому что им безразлична твоя судьба, а мне нет. Стас был моим другом, дорогим для меня человеком. И ты тоже дорога мне.

Она покраснела.

– Хорошо, будь по-твоему.

Мужчина расцвел:

– Когда хочешь оформить сделку?

Лариса слегка пожала плечами:

– Наверное, завтра. Сегодня я уже ни на что не способна. Да и грех в такой день думать о делах.

– Вот и умница. – Геннадий стал смотреть в окно. – В каком кафе пройдут поминки? Я вижу, мы следуем к «Красному маку».

– Там и пройдут, – подтвердила женщина.

– Неплохой выбор, если в нашем городе вообще есть выбор таких заведений. – Он хотел улыбнуться, но лишь виновато закашлялся. – Готовься, нам скоро выходить.

На поминках, в большом просторном зале кафе, пили, ели и говорили о Стасе. Лариса видела, как во время поминальной речи на глазах коллег мужа проступали слезы, и понимала, что слова уважения и любви – это не дань традиции. Ее Стаса любили и уважали – это однозначно. Она тоже попыталась сказать, но спазмы сдавили горло, женщина лишь произнесла:

– Мой муж был самым лучшим, – задохнулась и села на стул. Милена тут же подключилась, добавив, что такого брата и сына, как Стас, надо было поискать. Геннадий, севший рядом с Ларисой, снова накрыл ее руку своей горячей ладонью.

– Может быть, выйдем на воздух?

Она обвела глазами зал, задержавшись на безвкусовых занавесках с ромашками, застиранных до прозрачности, видимо, оставшихся с прежних советских времен:

– Неудобно.

Мужчина кивнул:

– Как хочешь.

– Спасибо, – еле слышно произнесла Лариса и откинулась на спинку стула. Она молила лишь об одном – чтобы все поскорее кончилось. Возвращаться домой в пустую квартиру не было никакого желания, но еще больше ранили траурные речи о муже – человеке, который еще неделю назад был жив, веселился, строил планы и любил свою жену. На ее счастье, через полчаса гости стали расходиться. Милена, с побледневшим лицом и с потеками краски под глазами, подошла к родственнице:

– Мы решили проводить тебя до дома.

– Ты молодец. – Геннадий взял ее за локоть. – Отлично держалась. Если бы не ты, даже не представляю, как бы все прошло.

– Милечка всегда на высоте, – вставил неизвестно откуда взявшийся Вадим, все мероприятие тихо просидевший возле жены.

– Позвольте, Ларису провожу я? – попросил Геннадий. – А вы поезжайте домой. Ты заслужила отдых, Миля.

– Ты всегда понимал и чувствовал меня, Гена. – Ее щеки вспыхнули, и Лариса вспомнила слова Стаса: когда-то Милена была влюблена в Геннадия, но он не отвечал взаимностью. Пришлось довольствоваться скромным инженером Вадимом, который, впрочем, бегал за ней с завидным постоянством и даже через десяток лет был по-прежнему рабски предан жене.

– Что думаешь делать завтра? – спросила ее Лариса.

– Утром смотаюсь на кладбище, – ответила Милена. – Где-то слышала, что покойников, переночевавших первую ночь, принято навещать. Поедешь со мной?

– Поеду, но с тобой или без тебя – не знаю, – отозвалась Лариса. – За эти дни я очень устала. Давай созвонимся.

– Хорошо. – Милена обняла ее и поцеловала в щеку. – Ты тоже молодец. У меня всегда были стальные нервы, а ты у нас натура утонченная, интеллигентная. Я не ожидала, что ты так героически выдержишься. – Она улыбнулась Геннадию и дотронулась до его плеча: – Гена, если мне понадобится твоя помощь, могу я на тебя рассчитывать?

– Ты еще спрашиваешь, – откликнулся Геннадий.

Женщина поправила растрепавшиеся волосы:

– Спасибо. Возможно, и обращусь. До свидания, ребята.

Она зашагала к автобусной остановке. Лариса и Геннадий отправились ловить такси. Им это быстро удалось, и минут через десять они уже стояли у подъезда.

Красовская чувствовала: Геннадий не прочь зайти в гости, но не напрашивается из деликатности, однако не пригласила его. Ей хотелось принять душ и, вытянувшись на диване, остаться наедине с воспоминаниями. Мужчина словно понял ее настроение и грустно улыбнулся:

– Ну, пока?

– Да, спасибо тебе. – Она повернулась, чтобы уйти, но Геннадий окликнул ее:

– Во сколько заехать за тобой завтра? Мы ведь собирались на дачу. Или ты передумала?

Она покачала головой, и Быстров залюбовался медным отблеском в ее волосах.

– Нет, не передумала. Сам понимаешь, мне ничего не остается делать, кроме как продать антиквариат. Давай поедем утром. Сделаем все свои дела и заскочим на кладбище.

– Хорошо, часов в десять тебя устроит?

– Вполне.

– Тогда до свидания. – Он сделал движение, словно собираясь поцеловать ее руку, но передумал.

Кивнув, Лариса быстро пошла к подъезду. Геннадий смотрел ей вслед.

* * *

Квартира в который раз встретила ее тишиной, и Лариса подумала, что никогда к ней не привыкнет. Скинув туфли, женщина прошла в ванную, приняла душ и, накинув халат, опустилась на диван. Черные глаза Стаса с фотографии в траурной рамке глядели пристально и печально.

– Вот и все, Стасик, – вздохнула Лариса. – Вот и все, любимый. Господи, ну почему ты так со мной поступил? Зачем ты меня оставил?

Муж не отвечал, и она легла, но тут же вскочила. Снова пронзительный звонок городского телефона.

– Стас, это не ты, правда? Это не ты! – шептала она, подходя к аппарату. – Ты не станешь надо мной издеваться.

Телефон продолжал отбивать колокольный звон, какой-то не праздничный, а похоронный, и Лариса заставила себя поднять трубку:

– Слушаю!

В ухо опять кто-то задышал, быстро и прерывисто со знакомой хрипотцой, и бедная женщина громко закричала:

– Стас, это ты?

Ей никто не ответил, и Лариса сжала кулаки:

– Стас, ты не умер, правда? Почему ты издеваешься надо мной? Что я тебе сделала? Не смей, не надо!

Когда слышались гудки, она швырнула трубку и прошла в комнату. Женщину трясло. Звонки мужа с того света били по нервам не хуже ракетно-зенитного комплекса. Открыв сервант, она достала бутылку любимой Стасом мадеры, налила полный бокал и залпом выпила. По телу разлилось тепло, и Лариса почувствовала некоторое облегчение. Страх и боль не ушли, лишь притупились, но пить снова она не могла. Заперев дверь в своей комнате, она повалилась на кровать и заснула беспокойным сном, решив обязательно поменять замки. Она не ждала мужа, она его боялась.

Глава 4

В горах Малой Азии, II век до н. э.

В обширной зеленой долине Понтийской Каппадокии (подумав, Тирибаз решил, что его воспитанник прав и лучшего укрытия не найти, во всяком случае, пока), огражденной, как вооруженной до зубов стражей, неприступными горными хребтами, покрытыми местами непроходимым лесом, Тирибаз приказал строить хижины. Это место ему понравилось. Неподалеку жили дружелюбно настроенные крестьяне, понтийские каппадокийцы, ничем не отличавшиеся от каппадокийцев равнин. Они говорили на одном языке, но при этом имели разные взгляды, и тем, вторым, лучше было не знать, кто нашел укрытие в их стране. Тирибаз и Моаферн продолжали заниматься с Митридатом верховой ездой, Сисина изучал с ним растения. Воины могли гордиться своим воспитанником. Митридату еще не минуло тринадцать, а он уже превосходно стрелял из лука, мог слететь с коня, изображая убитого воина, метал копья, поражая цель, и безошибочно находил противоядия от ядовитых растений. Вечером, глядя на серпастый месяц, он, сжимая в зубах сухую былинку, с грустью говорил:

– Почему бессмертны только боги? Если бы люди были бессмертны, отец любовался бы сейчас мной.

– Иногда царь мертвых выпускает своих подданных поглядеть на белый свет, – промолвил Сисина. – Кто знает, может, наш славный Митридат Эвергет и видит своего сына.

Мальчик кутался в попону и качал головой:

– Нет, мой добрый Сисина, это неправда. Отец любил меня и обязательно дал бы знать, если бы оказался рядом.

– А если он – одна из звезд, вон тех, будто хороводом окруживших месяц? – спрашивал Моаферн. – Этот серебристый свет и есть свет любви. Ты об этом не думал?

Мальчик пожимал плечами:

– Не думал... Если бы это было так...

Он засыпал с грустной, но все же улыбкой, и воины переносили его в хижину, на матрас из сена, а сами по очереди дежурили в густом кустарнике. Они не верили, что Лаодика не ищет своего сына. Ей нужна была его голова, и она не

успокоится, пока не получит свое.

* * *

Между тем Гергис и Мнаситей, с людьми, знавшими как свои пять пальцев все горные тропы, медленно, но верно двигались по следам беглецов. Достигнув понтийской Каппадокии, они где обещаниями, где подкупом пытались узнать у крестьян, еще недавно кормивших Митридата и его немногочисленный отряд, где прячутся изменники, но ни один из землепашцев не показал, в какую сторону они направились. Несколько раз армянин в гневе выхватывал меч, но Мнаситей перехватывал его руку. Если они убьют здесь хотя бы одного человека, каппадокийцы ополчатся на них и сделают все, чтобы беглецов не нашли. Тут нужно действовать хитростью.

Гергис с неохотой спрятал меч в ножны и с тоской оглядел горы, изрытые пещерами. Лес темно-зелеными пятнами покрывал их склоны. Местность казалась неприступной, словно созданной богами для того, чтобы не нарушали их спокойствия, и тем не менее в одной из этих пещер притаился Митридат со своими приспешниками. Щеки армянина заросли густой черной щетиной, бледность проступала на смуглом лице, придавая коже какой-то фиолетовый оттенок.

– Что же ты предлагаешь, Мнаситей? – ехидно поинтересовался он у чернобородого любовника Лаодики. – Взлететь, подобно птицам? Попробуй, может, у тебя и получится. Вон подходящий обломок скалы. Вскарабкайся на него, закаркай, взмахни руками... Кто знает, вдруг у тебя вырастут крылья.

Отряд, состоявший из пяти верных воинов, закричал, заперхал от смеха. Огромный орел сделал над воинами круг, паря на больших сизых крыльях и будто смеясь над человеческой глупостью.

– Я бы полетел, да моего отца не звали Дедалом, – огрызнулся Мнаситей. – И в чем тут хитрость? – Он бросил на траву походную сумку. – Ладно, доставайте припасы, а я немного похожу по селению. Может, мне и повезет.

Гергис презрительно фыркнул ему в спину:

– Иди, иди, воин. Орел покажет тебе дорогу.

Теперь его подчиненные, боявшиеся чернобородого, смеялись громче. Мнаситей слышал их смешки, но не замедлил шаг. Что ж, пусть смеются. Что они скажут, когда он единственный выполнит поручение прекрасной Лаодики? При мысли о возлюбленной, с ее упругим телом, натертым благовониями, черными густыми волосами и губами, сочными, как винные ягоды, его пронзила дрожь. Если Лаодика узнает, что ее возлюбленный нашел беглого сыночка, что она предложит ему, кроме плотских утех, хотя и без них он уже не представлял своей жизни? Мнаситей станет первым в Понтийском царстве, выгонит чертова евнуха и завладеет телом и богатством царицы. Его окутала сладостная истома, и он не заметил, как вошел в дубовую рощицу, прорезанную ручьем с чистой водой. Девушка в сером хитоне сидела на корточках, наполняя глиняный кувшин. При виде чужеземца она вскочила, как испуганная лань, хотела броситься в глубину старых деревьев, но мужчина успел схватить ее за талию и прижать к себе. Она была свежа, как роза в саду Лаодики: щеки цвета зари, ясные голубые глаза, светлые волосы, убранные в прическу. Веревки сандалий охватывали ее стройные щиколотки.

– Не бойся, – прошептал Мнаситей в маленькое ухо, скрытое под завитком. – Я твой друг. Хочешь заработать пять золотых?

Она молчала, но он знал, что каппадокийки понимают по-гречески.

– Тебе почти не придется ничего делать. – Он погладил ее волосы, пахнувшие луговой травой. – Ты ведь хочешь помочь безутешной царице-матери отыскать ее сына?

Девушка открыла рот от удивления:

– Разве у нашей царицы украли ребенка?

– Украли не у вашей царицы. – Мнаситей не обладал ораторским искусством, как покойный царь. – У царицы Понтийского царства. Трое врагов увели его в горы, чтобы продать в рабство и получить хорошие деньги, а безутешная мать льет слезы день и ночь. Мальчика зовут Митридат, ему почти тринадцать лет, а похитители... – он задумался, как лучше описать их, и вдруг ухмыльнулся: – У одного из них белый шрам под глазом. Ты не видела их?

Девушка колебалась. Сегодня утром к ее отцу спускался смуглый мужчина со шрамом за овечьим сыром, лепешками и вином. Она проследила, где укрылись беглецы. Но сказать об этом страшному чернобородому незнакомцу? Отец строго-настрого просил этого не делать.

– Я не знаю, – выдавила она улыбку, блеснув жемчужными зубками. Но улыбка получилась виноватой, робкой: так улыбается нашкодивший ребенок. Мнаситей ей не поверил.

– Вас запугали, внушили, что эти люди желают ему добра, но это не так. – Он с силой сжал ее ледяную ручку. – Задача похитителей – выйти к морю, где их ожидают те, кто заплатит за сильного юношу большие деньги. Мы не можем этого допустить. Кроме того, – добавил мужчина, видя ее нерешительность, – убитая горем мать готова оплатить помощь. Держи.

В ее ладонь упало несколько тяжелых монет. Девушка поняла, что они золотые, но не стала пересчитывать.

– Царица обязательно узнает о той, которой обязана спасением своего сына, – вкрадчиво шептал Мнаситей. – Она приблизит тебя к себе, несмотря на твое происхождение.

Девушка нервно глотнула. Она была очень молода, немногим старше Митридата, и поэтому обещания солидного, вероятно, царского вельможи свели ее с ума. Неужели это правда? Вырваться из глуши лесов, никогда не видеть эти горы, оказаться в царском дворце? Она вскинула голову и смело взглянула в глаза чернобородому:

– Пойдемте со мной.

Выросшая в горах, девушка легко перепрыгивала с камня на камень, как горная козочка, поднималась по круче, как птичка, юркала в чашу, казавшуюся непроходимой. Мнаситей отставал, потел и злился:

– Еще долго?

– Уже скоро. – Она указала пальцем на пещеру, увитую толстыми лозами какого-то растения. – Будьте осторожны. Здесь живет медведь. Он иногда выходит поохотиться, и его рев слышен в нашем селении.

– Медведь? – Мнаситей шагнул к пещере и раздвинул полог, созданный природой. Из темноты на него злобно сверкнули два огромных глаза, и послышалось рычание. Мнаситей усмехнулся:

– Гляди-ка, действительно медведь. Хорошая компания нашим беглецам.

– А вот и они. – Девушка раздвинула сплетенные, будто в объятии, ветви деревьев, и Мнаситей увидел небольшое горное плато, на котором ютилась хижина. Сисина хлопотал возле огня, Моаферна и Тирибаза не было видно. Митридат сидел на валуне и чистил меч. Девушка тяжело задышала и посмотрела на чернобородого. Его смоляные глаза загорелись ненавистью, злостью и решимостью убивать, и она поняла, что ее отец был прав. Несчастный мальчик, наверное, сбежал из дворца, чтобы не погибнуть. Сбежал, а она его выдала. Девушка открыла рот, чтобы предупредить юношу, но чернобородый, почувствовав, угадав ее желание, огромной ручищей сжал ее тонкую шею и давил на нее, пока бедняжка не испустила последний вздох. Отшвырнув тело девушки, он продвинулся ближе к хижине, выжидая удобного случая. Нападать на четверых было бы верхом неблагоразумия. Все считались хорошими воинами, даже сосунок Митридат наверняка многому от них научился. Когда откуда-то снизу послышался голос Тирибаза, просившего Сисину помочь им с Моаферном затащить на плато бревно, воин поспешил на голос друга, оставив воспитанника одного. Мнаситей, издав звериный рык, означающий победу, вышел из укрытия и, обнажив меч, направился к Митридату.

– Ну здравствуй, – выдохнул он, не скрывая радости. – Все же пришлось встретиться. Твои родители по тебе соскучились, Митридат, особенно отец. Ты должен навестить его в царстве мертвых.

На его удивление, Митридат, который уже не походил на мальчишку, стиснув зубы, постигавшего военную науку, не стал звать на помощь, он гордо встал, потряхнув кудрявой головой, и помахал мечом.

– Ты готов сразиться, как воин, Мнаситей? – спросил он, улыбнувшись. Улыбка получилась ехидная, на мгновение подросток стал похож на мать, приказавшую

уничтожить его, и кровь в жилах чернобородого закипела. Никто не имел права потешаться над ним!

– Я всегда был воином! – крикнул он так, что с кручи посыпались мелкие камешки. Ворон зло выругался с вершины старого дуба и захлопал крыльями. Митридат продолжал улыбаться:

– Это тебе только казалось. Ты всегда был трусом. Настоящий воин не подсунил бы моей матери сосуд с ядом, чтобы отравить моего отца. Только не говори, что ты сделал это из-за любви к ней. Вам обоим неведомо это чувство, как и честь, достоинство. Будь ты храбрецом, влюбленным в царицу, ты вызвал бы отца на бой. Да, ты бы погиб, но об этом помнили все понтийцы. У тебя был шанс стать героем. Ты же вел себя, как трусливый шакал.

– Как видишь, у меня нет яда. – Мнаситей пожевал губами и кинулся на мальчика. Клинки скрестились, звякнула сталь. Любовник царицы был уверен, что через несколько дней принесет Лаодике голову ее отпрыска. Его движения были хладнокровны и обдуманны, силы рассчитаны для нанесения решающего удара. Этот сосунок обязательно обнажит грудь, и тогда верный воин царицы поразит его в сердце, потом отрубит голову... А тело бросит хищным птицам, давно возвестившим о своем присутствии. Митридат же, напротив, зарделся, как окрашенный зарей горизонт, и, охваченный яростью и желанием отомстить за родителей, ринулся в бой, как коршун. От бешеного натиска подростка Мнаситей растерялся, и на его заросшем бородой лице отразилось холодное недоумение. Этот негодяй-мальчишка не может сражаться лучше его, бойца войска царя Понтийского! Однако все говорило об обратном, и вскоре Мнаситей заметил, что его холодный расчет не помогает. Бой давно должен был закончиться, трава – обагриться кровью, голова – покатиться под ноги героя-телохранителя. Он не помнил, какой эта голова должна быть по счету... Кажется, пятнадцатая... Но Митридат не только не сдавался – он наступал, атаковал, и чернобородый почувствовал усталость. По его лицу градом катился пот, он тяжело дышал и сделал несколько шагов назад, чтобы выиграть время, отдышаться, но внезапно потерял равновесие, наступив на торчавший из земли камень, и упал на клинок Митридата. Митридат оторопел. Впервые в жизни он убил человека. Расширенными от ужаса глазами мальчик глядел, как Мнаситей рухнул, будто срубленное дерево, в последний раз поднял голову, словно слясь что-то сказать, но изо рта хлынула черная, как вороново крыло, кровь, и чернобородый жалобно вздохнул и затих. Митридат подошел к нему: ему хватило нескольких секунд, чтобы прийти в себя. Он поставил ногу на лицо

Мнасителя, уже начавшее покрываться бледностью, и провозгласил:

– Боги видели твою подлость. Вот почему они были на моей стороне.

Стукнув ногой поверженного воина, Митридат хотел отправиться на поиски своих наставников. Мнасителей явно был не один в этих краях, где-то, как лис, по непроходимым тропам к ним подбирался Гергис со своими псами. Вот-вот убежище раскроется, и тогда... Когда за спиной мальчика раздался страшный рык, он резко обернулся и не поверил своим глазам. Вместо Гергиса на него шел разъяренный бурый медведь, наверное, тот самый, чья берлога находилась где-то неподалеку от их лагеря. Местные жители предупреждали, что лучше его не дразнить, не попадаться на глаза, и до сих пор маленькому отряду не приходилось встречаться с хищником, лишь иногда они слышали его рев. Теперь же огромный медведь горел желанием вступить в бой, как Мнасителей, и Митридат медленно отошел к хижине и выбрал острое копье, прислоненное к входу. Но в отличие от воина Понтийского царства тактика зверя была проста и понятна. Не успел он броситься на мальчика, как острие копья вонзилось ему в сердце. Медведь заорал, от злости и от боли, и скрылся в чаще. Мальчик знал: зверь умрет не сразу, ему отпущено время, чтобы побродить по горной тропе, пока не иссякнут силы. Обессиленный, Митридат прислонился к хижине и закрыл глаза.

– Что случилось? – Из забытья его вывел взволнованный голос Тирибаза.

– Нам нужно бежать. – Никогда еще язык не казался ему таким тяжелым и непослушным, как сейчас. Митридат выдавливал слова. – Наше убежище раскрыто.

– Смотри-ка! – Моаферн наклонился над телом любовника царицы. – Клянусь богами, отличный удар. Это ты отправил его в царство Аида?

Мальчик молчал. Тирибаз укоризненно посмотрел на товарищей:

– Не спрашивайте о том, что очевидно. Митридат убил одного из тех, кто охотится за его головой. Он прав: чернобородый никогда не пришел бы сюда один. Где-то притаился Гергис. Нам пора уходить. Берите самое необходимое и самое легкое. – Он не успел договорить и прислушался: – Кажется, сюда идут. В укрытие.

Поднявшись на несколько метров по тропе, ведущей наверх, они остановились возле пещеры, которую обнаружили только сегодня. Природа завалила вход в подземелье огромным замшелым камнем, и мужчинам пришлось потрудиться, чтобы сдвинуть его с места. Стройный, как пшеничный колос, Митридат быстро юркнул вниз, плавно опустившись на мелкие камни, следом за ним спустились Сисина и Тирибаз, и лишь грузный Моаферн потел около минуты, чтобы протиснуться в узкое отверстие. Тирибаз просунул в лаз сухие ветки, чтобы прикрыть вход. Впрочем, отряд, посланный Лаодикой, сколь ни был он многочисленным, вряд ли решил бы спуститься в пещеру поодиночке. Однако они могли затаиться, подождать, пока невольные пленники, измученные жаждой и голодом, вылезут на поверхность. Но для этого нужно было догадаться, где скрываются беглецы, однако, к счастью, преследователи не догадались.

Митридат и его верные друзья слышали, как отряд Горгиса, сетуя о гибели Мнаситея, топчет сухой валежник, двигаясь в горы, и кивнули друг другу. Серые стальные глаза Моаферна оставались серьезными и озабоченными.

– В этих местах нам лучше не прятаться, – буркнул он с горечью.

– А мы и не будем. – Тирибаз потер шрам, казавшийся выпуклее, чем обычно. – Я все обдумал заранее. Мы больше не пойдем в горы, а наоборот, спустимся вниз и проберемся к морю. Среди корабельщиков у меня есть преданные люди. Они спрячут нас на корабле, и мы подумаем, куда направимся. Во всяком случае, – он обвел своих товарищей уверенным взглядом, – другого предложения у меня нет.

Сисина почесал плешистый затылок и хлопнул в ладоши:

– А ведь верно говоришь. Укроемся где-нибудь на морском побережье. Рыбаки приютят нас.

Моаферн облегченно выдохнул и посмотрел на Митридата:

– Царь, мы спасены! – Он сказал громче, чем следовало, и эхо прокатилось по пещере. Осторожный Тирибаз прижал палец к губам.

– Отсидимся здесь до темноты, – скомандовал он, – потом осторожно вылезем и проверим, нет ли кого поблизости. Добираться до побережья лучше ночью. А сейчас располагайтесь на отдых. Можно и перекусить.

Он достал котомку и разложил на холщовой ткани куски сыра, засохшей лепешки, выставил сосуд с водой. Еще минуту назад Митридату казалось, что он после перенесенных волнений не сможет взять в рот ни кусочка, но, почуяв молочный запах сыра, мальчик сглотнул слюну и потянулся за едой. Юный царь подумал, стоит ли говорить друзьям о том, что сегодня, кроме своего давнего врага, он убил и медведя, но, поразмыслив, решил не кичиться подвигами. Любой из тех, кто вкушал с ним хлеб, на его месте поступил бы так же, и удивляться тут нечему. Эти люди побывали в настоящих сражениях. Они в одиночку сражались сразу с несколькими врагами, в то время как он... нет, это не геройство, это обычный поступок. Вот почему, когда Моаферн с набитым ртом спросил, не слышал ли кто рычание медведя, Митридат лишь равнодушно пожал плечами.

Поев, путники расстелили шкуры и улеглись на них. Тирибаз разбудил всех к ночи. Они осторожно выбрались из пещеры, прислушиваясь к каждому шороху и опасаясь шакалов Гургиса, но ничто не нарушало тишину гор. По протоптанной тропинке, отодвигая руками ветви дубов и буков, беглецы спускались в долину. Для достижения цели – выхода к побережью – им нужно было пересечь еще один горный хребет, и отважный воин со шрамом уверенно повел своих друзей к другой горной дороге.

Ни один отряд, посланный Лаодикой на поиски негодяев, укравших ее сына, не помышлял о том, что беглецы могут выйти к морскому побережью и сесть на корабль, отплывающий в Херсонес, который подчинялся Понтийскому царству, потому что морское путешествие в Тавриду считалось опасным. Чтобы пересечь Понт Эвксинский, нужно было умудриться не попасть в руки пиратов-тавров. О них рассказывали страшные вещи. Во-первых, они были прекрасно экипированы и для морских сражений задействовали не утлые лодчонки, а огромные корабли-петеконтеры.

Эти кровожадные люди (им даже приписывали людоедство) не пощадили ни одного пленника. Они убивали их дубинками и сбрасывали со скалы в море. Это был их священный обычай – они почитали богиню Деву и приносили ей обильные жертвы. Если пленных было слишком много и крови жертв хватало с избытком, оставшимся несчастным они отсекали головы мечами, приносили их домой и

насаживали на колья, выставляя на всеобщее обозрение. Голова бедняги с этих пор служила оберегом – стражем дома.

Нападения тавров на иноземцев проходили по разным сценариям. Они не только атаковали потерпевших кораблекрушения, но и сами провоцировали их, зажигая фальшивые огни. Судно спешило на них, как мотылек, мечтая укрыться от непогоды в уютной гавани, но вместо этого налетало на скалы. Несчастные не успевали опомниться, как их атаковали тавры. Шансов спастись ни у кого не было. Грозное племя считало каждого захватчиком и приговаривало к смерти. Иногда они вступали в морской бой и всегда побеждали, потому что брали количеством. Вот почему редкие храбрецы-капитаны, отваживавшиеся на путешествие в Херсонес, вооружались до зубов. Одного такого капитана, не раз побывавшего в Тавриде и оставшегося невредимым, и разыскал Тирибаз на берегу моря, где стройный загорелый седобородый человек в длинном льняном хитоне с широким поясом внимательно следил, как матросы штопали парусину и смолили канаты. Занятый своим делом, мужчина не заметил подошедшего к нему Тирибаза.

– Здравствуй, Аной, – поприветствовал его наставник Митридата. – Ждешь попутного ветра? Я вижу, твой «Коринф» готов бороздить моря. Прекрасное судно. Так и любовался бы им целый день.

– Да, мое судно – лучшее на побережье, – гордо отвечал грек, и ему было чем гордиться. Аной владел тримерой и назывался не капитаном, а триерархом. Тримера имел три яруса весел, и для последнего дополнительно прорезали отверстия в борту судна. Наиболее сильные гребцы – граниты – сидели в верхнем ряду, в среднем помещались зигиты, а в нижнем – таламиты. Флейтист поддерживал ритм, командовал гребцами гортатор. Такие корабли славились своим экипажем – в нем могло быть двести человек, а еще подводным тараном, служившим продолжением киля и представлявшим собой железный наконечник. Он свободно мог обрубить в бою весла вражеских судов.

– Возьмешь меня и моих спутников до Херсонеса? – поинтересовался Тирибаз, поглаживая шрам. Аной задумался. Он был не только хорошим мореплавателем, но и прекрасным купцом.

– Что дашь? – спросил он быстро и пристально посмотрел в серые глаза старого знакомого. Воин позвенел в кармане монетами, оставшимися от горного похода, но этот звук не произвел на Аноя никакого впечатления.

– Маловато, – решил он. – Путешествие опасное.

Тирибаз наклонился к его уху, прикрытому длинными седыми прядями.

– А если я попрошу тебя перевезти царя?

Аной вздрогнул:

– Царя? Но какого?

– Нашего Митридата, сына Эвергета, – пояснил воин. – Если до тебя долетали какие-то вести, ты слышал, что Эвергет почил, причем ему помогла это сделать любимая женушка. Сейчас она опекунша несовершеннолетних детей, двое из которых – Митридат и его брат – коронованы на царство. Матушке очень не хочется отдавать трон старшему, видевшему, как она приложила руку к смерти отца.

Аной покачал головой, и серебристые волосы рассыпались по плечам.

– Ужасные вещи ты рассказываешь, Тирибаз.

– Ужасные, Аной, – согласился приятель. – Так ты готов нам помочь?

Аной оглянулся и увидел группу из трех человек, пристально наблюдавших за ними. Двое – мужчины средних лет, с такими же мужественными лицами, как у Тирибаза, – старались заслонить собой коренастого мальчика со светлыми кудрявыми волосами, сложенного, как греческий бог.

– Это и есть Митридат, сын Эвергета? – поинтересовался он, прищурившись. Морщинки-лучики разбежались вокруг глаз, делая его лицо добрым и сострадательным. – Красивый мальчишка. Жаль, если он погибнет в пути. Говорят, тавры будто озверели, подстерегают корабли на каждом квадрате и атакуют с утлых лодчонок, приводя их несметное множество.

– Но у тебя прекрасный быстроходный корабль, – заметил Тирибаз. – Он носом разбросает их утлые суденышки.

Триерарх пожал плечами:

– Как сказать, как сказать... Ты не мореплаватель, и тебе неизвестно, сколько триер захватили тавры. Они хитры и храбры. Может быть, им покровительствует Дева, по-нашему – Артемида, которой они приносят несметное количество жертв. Мне будет жаль, если и вы попадете в их число.

Тирибаз немного помолчал, словно обдумывая сказанное, но уже через несколько секунд с силой рубанул воздух:

– Мы согласны. Пойми, за ним посланы лучшие воины, они, как хорошо обученные псы, идут по нашим следам. Наша хитрость позволила нам дойти до побережья. Они не ожидают, что мы решимся на морское путешествие. Так что у нас нет выхода, Аной. Либо нас убьют на горной тропе или заколют в лесу, либо тавры принесут нас в жертву Деве, либо боги помогут нам, и мы спасемся. Третий вариант мне нравится больше всего.

– Да и мне он по душе. – Седобородый махнул рукой. – Зови своих друзей. Мы скоро отплываем.

Дивноморск, 2017

Геннадий, как и обещал, подъехал к десяти. Он испугался, когда увидел бледную до синевы Ларису с растрепанными волосами и черными траурными полукружьями под глазами. Тем не менее она руководила мужичонкой в рабочем костюме, менявшем замок.

– Похороны сильно подействовали на тебя, – произнес Геннадий и дотронулся до ее руки. – Сейчас я бы мог наговорить кучу банальных фраз о том, что нужно продолжать жить дальше, но мне противно их произносить. Я знаю, чем для тебя был Стас, а еще знаю, что его уже не вернешь. К чему тратить слова?

– Да, ты прав. – Лариса сунула мастеру деньги, занятые у соседа, провела расческой по волосам, будто потускневшим за ночь, и потрянула головой, словно сбрасывая усталость. – Поехали.

– Знаешь, что мне кажется странным? – сказал Геннадий, поворачивая ключ в замке зажигания.

– Что? – безразлично произнесла она.

– Его смерть. – Мужчина вырулил со двора и поехал по магистрали. – Мы со Стасом часто катались на этой яхте вдвоем. Я сбегал от своей Ленки, а он составлял мне компанию.

– Ты хотел сказать – сбегал от меня. – Лариса нервно усмехнулась. Геннадий поморщился:

– Вот и неправда. Ты никогда не мешала ему. И доказательство этого – ваш брак. Мы с Ленкой развелись, с трудом прожив семь лет, а вы перевалили за десяток.

Женщина махнула рукой:

– Какое это имеет значение теперь! Ты ведь не об этом хотел сказать?

– Да, я хотел сказать, что Стас никогда не вышел бы в шторм, – продолжал Геннадий. – Иногда я упрашивал его это сделать, мне хотелось покорить бушующее море и пощекотать нервы, но тщетно! – он не соглашался. Не представляю, что заставило его нарушить свои привычки в этот раз. – Он взглянул на Ларису, вжавшуюся в сиденье, и испугался. Женщина покрылась холодным потом, зубы стучали.

– Что с тобой? – спросил он.

– Сейчас ты вынуждаешь меня сказать о том, что беспокоит меня уже несколько дней, – начала Лариса. – Стас жив.

Геннадий открыл рот и уставился на женщину:

– Что ты сказала?

– Я не утверждаю наверняка, – быстро заговорила Лариса, – но мне кажется, мой муж жив. Он звонил мне несколько раз.

Мужчина заморгал:

– Тебе звонил Стас? Как он мог звонить?

– Да очень просто! – выкрикнула она. – По телефону. И не смотри на меня как на ненормальную. Да, он не сказал ни слова, но я знаю его дыхание, как-никак прожила с ним пятнадцать лет. Это был мой муж.

– То есть ты определила только по дыханию, – протянул Геннадий, сворачивая на дорогу, ведущую в дачный поселок.

– И это не все. Один сотрудник похоронного бюро, который нес гроб, сказал, что тот был слишком легким, будто пустым! – Бедная женщина сама едва дышала. – Выводы делай сам. Если считаешь меня ненормальной, вези домой. И спасибо за помощь.

– Я не говорил, что считаю тебя ненормальной, – протянул Геннадий. – Но, согласишься, все это так неожиданно... Выходит, ты не знаешь, кого похоронила? Или не похоронила... Но ведь ты была на опознании...

– Я с начала и до конца сомневалась, кто лежал передо мной в морге, – пояснила женщина. – Когда перед тобой труп с изуродованным лицом, но при нем документы мужа и его телефон, все начинают внушать, что это именно он и есть. Кто же еще может быть? Я предлагала Милене провести генетическую экспертизу, но она не согласилась.

– Значит, ты опознала его только по одежде? – удивился Геннадий. – Но это действительно глупо.

– У трупа был такой же искривленный палец, как и у Стаса, – призналась Лариса. – Я решила, что таких совпадений не бывает. Разве мог кто-то другой в его костюме, с его документами и телефоном оказаться на этой яхте?

Геннадий почесал затылок:

– Я тебя понимаю. А теперь ты уверена, что это он тебе звонит... Куда же делся труп, который вы видели? Как я понимаю, чей-то труп все-таки был?

Она опустила глаза:

– Не знаю.

Мужчина вздохнул.

– Знаешь что я тебе посоветую? – сказал он. – Никому не говори об этом. Я предлагаю выждать время. Когда будешь уверена на все сто, что Стас жив, скажешь мне. Я подниму все связи, и мы соберем необходимые документы для эксгумации. Если бы ты меня убедила в своей правоте, я бы сию минуту начал помогать тебе в этом. А пока...

– Значит, я тебя не убедила, – с горечью бросила Лариса.

– Это ваша дача? – Геннадий остановил машину у забора и положил ей руку на плечо. – Признаюсь, меня смущает одно. Если Стас жив и ему по каким-то причинам захотелось исчезнуть таким образом, почему он не дал знать тебе или мне? Мне он всегда доверял – в этом я убежден. Тебя же он любил, во всяком случае, так говорил, а еще говорил, что не причинит тебе боли. Теперь же его поведение, получается, идет вразрез с его обещаниями. Вместо того чтобы успокоить, Стас звонит и пугает тебя. Зачем?

– А если он хочет подготовить меня к... – Лариса не могла найти нужные слова.

– К своему воскрешению? – усмехнулся мужчина. – Нечего сказать, хороший способ избрал. А как насчет финансов? Почему он оставил тебя без денег?

Женщина сжалась на сиденье:

– Не знаю... Не представляю... Эти вопросы не дают мне покоя.

Геннадий дружески улыбнулся.

– Знаешь, что мы сделаем? – проговорил он. – Мы просто немного подождем. Рано или поздно все выяснится. Утро вечера мудренее. Ну а теперь приглашай меня в гости. – С этими словами он распахнул дверь и помог Ларисе выйти. Она

засуетилась и достала ключи из сумочки.

– Мне совершенно нечем тебя угостить. Мы собирались ехать на рынок после приезда Стаса. Продукты почти все закончились.

– Тогда поедem в ресторан и пообедаем, – предложил мужчина. – Можем сначала заглянуть на кладбище. Я сделаю, как ты захочешь.

Она пожала плечами:

– Мне все равно. Пойдем в дом.

Лариса повернула ключ в замке, открыла калитку и медленно пошла по дорожке из битого кирпича к веранде. На минуту ей показалось, что это все – страшный сон, что сейчас она откроет глаза и увидит Стаса, бегущего ей навстречу... Он возьмет ее руки в свои, поцелует, развеет все печали, покажет, как подвязал помидоры, как окучил картошку – и жизнь опять пойдет по-прежнему. Но на даче, как и в квартире, было пусто, лишь изредка тишина прерывалась щебетанием птиц и шелестом листьев. Красовская покачнулась.

– Тебе плохо?

Она оттолкнула руки Геннадия:

– Уже лучше. Не будем задерживаться. На мою долю и так хватит воспоминаний.

Женщина открыла дверь дома, и в нос ударило запахом сырости.

– Входи, – прошептала бедняжка. – Я боюсь.

Мужчина снова обнял ее:

– Не бойся. Пойдем вместе.

Он чуть ли не силой затащил ее в прихожую:

– Ты со мной, Лара.

Усилием воли женщина преодолела страх и прошла в комнату. Все покрылось серым, будто свинцовым слоем пыли. Лариса провела пальцем по поверхности орехового стола и поморщилась.

– Стас бы никогда не простил мне беспорядка, – сказала она. – Аллергик, он не терпел пыль.

– У тебя никогда беспорядка и не было, – успокоил ее Геннадий. – Ну что, поставим чайник?

Женщина покачала головой:

– Нет, нет, я не хочу здесь задерживаться. Давай посмотрим антиквариат и поедем домой.

– Давай, – сразу согласился он. Лариса подошла к лестнице, ведущей на второй этаж, и стала подниматься вверх. Мужчина последовал за ней. Когда они оказались в довольно просторной комнате, обставленной современной мебелью, женщина подошла к шкафу, открыла створку и на что-то нажала. Шкаф сразу сдвинулся с места, обнажив стенку с огромным встроенным сейфом. Лариса повернула колесико на его двери, раздался щелчок, и дверца распахнулась. Женщина заглянула внутрь, ахнула и рухнула на паркет. Геннадий бросился к ней, пытаясь привести ее в чувство. Он тряс ее за плечи, бил по щекам, пока несчастная не пришла в себя.

– Сейф... Загляни внутрь... – выдавила она и заплакала тихо, как обиженный ребенок.

Геннадий подошел к сейфу. Огромный железный ящик был пуст. Мужчина не поверил своим глазам, сунул руку внутрь и обследовал каждый угол, вздрагивая от прикосновения к холодному железу. Если тут когда-то и хранился антиквариат, сейчас его не было.

– Ты видел? – Губы Ларисы дрожали. – Ты видел?

– Там ничего нет, – проговорил Геннадий. – Ты уверена, что они были именно здесь?

– Где же им еще быть? – нервно выкрикнула Лариса. – Они всегда лежали тут.

– Ну, хорошо, хорошо. – Он погладил ее по плечу. – Кто еще знал код сейфа?

– В том-то и дело, что только я и Стас. – На Ларису было жалко смотреть. Мужчина удивленно поднял брови:

– Выходит, он сам забрал свои сокровища? Хоть убей, если я что-нибудь понимаю.

Женщина сжала кулаки и опустилась на кровать.

– Я тоже ничего не понимаю, – простонала она. – Если это сделал мой муж... Как он мог со мной так поступить? Он забрал все, что у меня было, оставил без копейки. Как жить дальше?

Геннадий сел рядом с ней и взял в свои ее холодные ладони.

– Подожди, – остановил он женщину. – У тебя больше ничего не осталось?

– Я об этом давно толкую, – с раздражением буркнула она. – Ни золота, ни денег – ничего. Я так рассчитывала продать тебе хотя бы пару вещичек, но и их не оказалось на месте. Что же делать? Что же мне делать?

Приятель мужа немного помолчал, словно собираясь с мыслями.

– Ты уверена, что вся коллекция Стаса была в этом сейфе? – проговорил он, с заботой глядя на женщину. – Может быть, было что-то еще? Может быть, Стас упоминал еще о чем-нибудь, а ты просто забыла?

– Стас всегда показывал мне свои так называемые сокровища! – крикнула женщина, и голос ее сорвался. – Хочешь – верь, хочешь – нет, но это правда. Уж не знаю, сколько он выбрасывал на них денег, но всегда хвастался своим приобретением. Я знала каждый артефакт, хранившийся в этом сейфе.

– Ну хорошо, не нервничай. – Он погладил ее по щеке, и Лариса дернулась. Ни один мужчина, кроме Стаса, не позволял себе подобной ласки. – Знаешь, странно слышать обо всем этом. Стас никогда не был скупердям.

– Вот и я знала его совсем с другой стороны, – вздохнула женщина и вдруг посмотрела на Геннадия с отчаянием. – Гена, но этому есть одно объяснение.

Мужчина пристально взглянул на нее:

– Какое?

– Мы уже говорили об этом. Стас жив и скрывается. – Она дернула плечом. – И ему понадобились деньги, поэтому он забрал все ценное, что у нас было. – Женщина вдруг схватила его за локоть и задышала в лицо. – Гена, ты должен помочь мне. Что, если мы проведем генетическую экспертизу? Какие документы нужно собрать для эксгумации? Что, если гроб вообще пустой?

Он растерянно посмотрел на нее:

– Сейчас это невозможно, Лара. Ну какие у нас основания для эксгумации? Пойди мы в полицию, нас поднимут на смех. Сначала ты опознаешь труп мужа в морге, потом, когда тебе кто-то начинает звонить и дышать, как Стас, ты уже не уверена, что похоронила собственного мужа. Согласись, это выглядит глупо.

– Так что же делать? – Она хрустнула тонкими пальцами. – Я понимаю, нужно подождать. Но я не могу ждать. Завтра мне будет нечего есть.

Геннадий закусил губу.

– Продай дачу, – предложил он. – Одна ты ее не потянешь. Сюда нужно много вкладывать. У тебя хорошая дача, за нее дадут приличную сумму.

Лариса подперла рукой подбородок.

– Нет, – произнесла она почти шепотом. – Это невозможно.

– Невозможно? – Казалось, Геннадия удивил ее отказ. – Почему?

– Я хотела продать ее, потому что еще вчера мне казалось, что я никогда не смогу переступить ее порог, – призналась женщина. – Однако сейчас я поняла, что не стоит этого делать. Здесь прошли лучшие годы моей жизни, здесь я всегда отдыхала душой.

Геннадий улыбнулся.

– Еще минуту назад ты говорила, что скоро тебе будет нечего есть.

– Найду, – уверенно сказала Лариса. – Здесь, в погребе, мешок картошки. Скоро поспеют фрукты, в теплице зреют помидоры и огурцы. Конечно, я пойду устраиваться на работу, но вполне могу продержаться до августа без денег. В мае мы высадили кабачки, баклажаны, тыкву, перцы... В пакетиках на веранде есть еще какие-то семена... Неподалеку от меня живет бабушка, которая разводит кур и держит корову. Иногда она приходила к нам, чтобы обменять десяток яиц на ведро яблок. А молоко предлагала в придачу. Нет, Гена, я не пропаду. Кроме того, в квартире килограммы нетронутой крупы и муки. Захочется хлеба – я сама испеку его.

Мужчина пожал плечами:

– Тебе виднее. Что ж, поехали. – Он встал с кровати. – Или ты хочешь остаться здесь?

– Мы договорились съездить на кладбище. – Лариса тоже поднялась. – Давай не будем ничего отменять.

Геннадий сощурился.

– Даже если там лежит не твой муж?

Женщина дернулась:

– Даже если так. Разве ты не говорил минуту назад, что лучше всего подождать?

– Говорил, – признался Геннадий. – И все же...

– И все же поехали. – Она зазвенела ключами. – Видишь, мое положение оказалось не таким уж сложным. Я вытяну, вот увидишь.

– Желаю успеха. – Мужчина открыл калитку, пропуская ее вперед. – Но поищи получше в квартире и на даче. Не может быть, чтобы исчезло все, причем при таких таинственных обстоятельствах.

Она пожала плечами:

– Давай сейчас не будем об этом.

Машина тронулась, и Геннадий искоса посмотрел на Ларису, сидевшую рядом. Бледность сходила с ее лица, и на впалых щеках обозначился румянец. Он понял: у нее появился смысл жизни. Она хотела разобраться, что к чему.

До кладбища они доехали в молчании. Лариса опустилась на корточки возле свежего холмика. Легкий ветерок трепал лепестки на искусственных цветах венков, и женщина подумала: «Какую загадку ты оставил мне, Стас? Как ее разгадать?» Но мертвые, как известно, молчат.

На соседнем остроконечном дереве смерти, кипарисе, защебетала какая-то птичка.

«Это чья-то душа, – вздохнула Лариса и поднялась. – Если бы люди понимали язык природы! Кто знает, может быть, души умерших действительно вселяются в деревья, животных, птиц. Вдруг индусы не ошибались насчет реинкарнации?»

Геннадий дотронулся до ее локтя:

– О чем ты думаешь?

Она улыбнулась – впервые за несколько дней:

– Да так... Это я о своем.

– Поедем? – нерешительно предложил он. Женщина кивнула:

– Поедем.

Они выехали с кладбища, и Геннадий спросил:

– Куда теперь? Может быть, в кафе?

– Нет, – Лариса покачала головой. – Мне хочется побыть одной. Извини.

– Но ты сама говорила, что дома у тебя нечего есть, – удивился мужчина. – Давай пообедаем, и я доставлю тебя домой.

– Я найду, что поесть, – отозвалась женщина. – Мне действительно нужно побыть одной. И не обижайся.

– Хорошо, – сдался Геннадий. – Как скажешь. Значит, в скором времени ты переедешь на дачу?

Она наклонила голову:

– Да. Там мне будет лучше.

– Ты не понимаешь, на какие трудности себя обрекаешь, – он попытался еще раз увещевать ее. – Послушай меня, продай дачу.

Лариса развела руками:

– Не могу. Тебе этого не понять.

– Ну, бог с тобой, – он притормозил возле ее дома. – Позвонишь мне, когда запланируешь переезд? Кто-то должен тебе помочь.

– Позвоню, – согласилась она, – обязательно.

Кивнув на прощание, Лариса вышла из автомобиля. В глаза ударило июньское солнце. Не оглядываясь, она зашагала к подъезду, вспоминая, как в прошлом году в такие же солнечные июньские деньки они ездили на Южный берег Крыма, где провели несколько дней в частном отеле возле моря. А этим летом не будет никакого Южного берега, и Стаса уже не будет. Или... он все-таки жив?

Как сомнамбула, Лариса вошла в прихожую, и, созвучный ее мыслям, зазвонил телефон. Женщина закрыла уши руками и застонала:

– Стас, если это ты... Оставь меня в покое, не тревожь...

Она упала на кровать, дав себе слово не брать трубку, но телефон все дребезжал и дребезжал, и Лариса, заставив себя встать, потянулась к аппарату:

– Я слушаю.

Женщина ожидала услышать тяжелые вздохи мужа, но, вопреки ожиданиям, слух резанул низкий мужской голос:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – машинально ответила она, гадая, кто находится на том конце.

– Вы супруга покойного Станислава Красовского?

– Да, – подтвердила Лариса. – Простите, с кем я говорю?

– Вы меня не знаете, потому что мы ни разу не встречались, – вежливо отозвался незнакомец. – Я имел дело с вашим мужем. Время от времени он продавал мне вещишки, которые ему удавалось купить.

Женщина закусила губу. Если Стас это и делал, он не ставил ее в известность. Впрочем, оно и неудивительно. Если судить по последним событиям, она плохо знала своего мужа.

– Чем могу быть полезна? – поинтересовалась она у незнакомца. Тот немного помедлил, прежде чем ответить:

– Видите ли, неделю назад мы с вашим мужем говорили об одном документе. Станислав согласился продать его, и мы обсудили цену. Сделка должна была состояться на днях. Когда я с великим прискорбием узнал о его гибели, то подумал, что теперь мне предстоит иметь дело с вами. Я готов заплатить вам ту цену, которую предлагал ему, и ни доллара меньше. В конце концов мы, коллекционеры, уважаем друг друга. И если один из нас уходит из этой жизни, это не значит, что мы должны обманывать его семью и наживаться на их горе. Я могу считать, что мы договорились?

Лариса почувствовала, как пылают ее щеки.

– Простите, – сказала она, – сколько вы предлагали моему мужу?

На том конце удовлетворенно хмыкнули:

– Вы ничего не знали о нашей сделке?

Женщина решила: лучше не говорить правду.

– Разумеется, мой супруг все мне рассказал, – произнесла она, стараясь держаться как можно увереннее. – Я хочу проверить вашу честность – только и всего.

– Речь шла о двадцати тысячах долларов за древний документ, – признался незнакомец. – Ну что, я не обманул вас? Древний пергамент... Возможно, он столько не стоит, но я не торговался. Ваш муж хотел избавиться от него, чтобы приобрести одну милую вещичку...

Лариса с горечью подумала, что Стас скрыл от нее и это, и ничего не ответила.

– Так вы согласны? – нетерпеливо спросил мужчина. – Учтите, в нашем городе никто не предложит больше. Или вам нужно время?

– Мне не нужно время, – отозвалась женщина. – Я готова ответить прямо сейчас. Видите ли, я собираюсь сохранить память о муже, поэтому из его коллекции никому ничего не продам.

Он засопел:

– Это ваше окончательное решение?

– Окончательное и бесповоротное.

Услышав эти слова, незнакомец не растерялся.

– Никогда не говори «никогда», – философски заметил он. – Я понимаю, в каком вы сейчас состоянии. Послушайте меня, дорогая, не рубите сплеча. Пусть пройдет время, и вы обдумаете мое предложение на трезвую голову. Я оставляю вам телефон, по которому со мной можно будет связаться. Прошу вас, дорогая, запишите его.

– Я считаю это излишним, – буркнула Лариса. Его назойливость стала ее раздражать. – Мое решение неизменно.

– И все же я настоятельно рекомендую записать его. – Собеседник давил, и она взяла ручку и листок бумаги:

– Ладно, диктуйте.

Женщина механически записала цифры, убежденная, что никогда не позвонит этому надоедливому господину. Конечно, не позвонит, ей ведь нечего продавать. У нее нет никакого документа.

– Записали? – поинтересовался мужчина, окончив диктовать, и она отозвалась:

– Да.

– Я всегда к вашим услугам, – прошелестел он и отключился.

Бросив ручку, Лариса опустилась в кресло. Голова горела, ладони дрожали, и она решила выпить успокоительное. Последние события совсем свели ее с ума. Казалось, еще немного, и она не выдержит непосильной ноши и парадоксов, сыпавшихся со всех сторон. Стас умер, но продолжал звонить, он доверял ей, любил и ценил, но скрывал свои сделки и реальные доходы, клялся, что никогда

не оставит ее без средств к существованию – и в результате оставил без копейки.

Лариса усилием заставила себя подняться и пошла на кухню. Здесь, в кухонном шкафу, хранились лекарства. Женщина достала пакет и принялась перебирать коробки и блистеры. Перед глазами мелькали анальгетики и антибиотики, старые и новые названия, но нужного лекарства не было. Лариса напряглась, вспоминая, куда могла его положить, и память услужливо подсказала: оно мирно покоемся в спальне, в тумбочке. Улыбнувшись, она вскочила, бросилась в комнату и выдвинула ящик тумбочки. Лекарство действительно лежало там, рядом с пустыми тетрадными листками, положенными в тумбочку ее мужем неизвестно зачем. Женщина взяла таблетки и заметила в углу ящика какую-то жестяную коробку, но не от леденцов, гораздо меньше, старую, квадратную, с выступившей ржавчиной. Вытащив ее, Лариса прищурилась. Она была готова поклясться, что никогда прежде ее не видела. Может быть, Стас положил эту вещь сюда перед командировкой?

Осторожно, словно боясь сломать незнакомый предмет, женщина открыла коробку и вытащила маленький ключ. Он тоже был ей незнаком. Такой ключ однозначно не открывал ни одну дверь в ее квартире или на даче. Медленно положив его на тумбочку, Лариса вздохнула. Вот и еще одна загадка. Что это за ключ и почему Стас положил его в жестяную коробку? Может, она все же ошибается и в доме есть замок для этого сокровища?

Женщина обхватила голову руками, напряженно думая, что же отворяет этот ключ, а потом заметалась по комнате в поисках замка, который, конечно, так и не нашла. Нет, этот ключ совершенно точно не подойдет ни к одной двери. Он подошел бы к старой швейной машинке, которая когда-то стояла у ее бабушки, или к секретеру, но таких вещей у нее не было. Может быть, Стас приобрел что-то, но не сказал ей? Может быть, это что-то все же стоит на даче?

Она потянулась за сумкой, собираясь ехать, и с неудовольствием пересчитала мелочь, зазвеневшую в кошельке. Наличие позволяла доехать на маршрутке только в один конец, обратно придется трястись в переполненном троллейбусе, до остановки которого тащиться полчаса. Но ничего, она выдержит. Может быть, даже не вернется домой, а останется на даче. Да, скорее всего, так и нужно сделать.

Женщина вышла из квартиры, закрыв дверь, и столкнулась на лестничной клетке с соседкой. Пожилая степенная дама лишь кивнула, ни о чем не спросив, и сочувственно посмотрела на Ларису. Та кивнула в ответ, благодарная за то, что соседка ничем не поинтересовалась, и сбежала по лестнице. Соболезнования, даже сказанные от чистого сердца, резали душу на кусочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/baskova_ol-ga/zolotoy-kon-mitridata

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)